

Виктор Сбитнев

АДСКИЙ ОГОНЬ

Виктор Сбитнев

Адский огонь

«Издательские решения»

Сбитнев В.

Адский огонь / В. Сбитнев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747694-6

Герой романа «Адский огонь» — Альберт Нидерквель, журналист частной газеты «Курьер». Редактор посылает его на Гриву, где странным и страшным образом горят избы одиноких старух. Причём горят вместе с хозяйками, которых жестокие злоумышленники привязывают простынями к кроватям. Огонь — главная тема во всём романе. Это и огонь, в котором погибают старушки, и алчный огонь, который разъедает людей изнутри, выжигая в них всё человеческое. Но добро побеждает, оно делает лучше и самих героев романа.

ISBN 978-5-44-747694-6

© Сбитнев В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Сон на пятницу	6
Глава вторая. Загадки Гривы	8
Глава третья. А в это время	10
Глава четвёртая. Альберт наводит мосты	13
Глава пятая. Ловись, рыбка	15
Глава шестая. Из огня да в полымя?	17
Глава седьмая. Альберт вспомнил, что связи нет...	19
Глава восьмая. Тайны Заиграевских озёр	22
Глава девятая. Альберт уходит от «хвоста»	24
Глава десятая. Уха в районной гостинице	27
Глава одиннадцатая. Итак, что мы имеем?	29
Глава двенадцатая. Кто прав: прокурор или пожарный?	31
Глава тринадцатая. Пожарный считает, что это убийства с особой жестокостью	33
Глава четырнадцатая. Зам прокурора своего личного мнения не выразил	35
Глава пятнадцатая. Обед, после которого ничего не хочется...	37
Глава шестнадцатая. Вот так «хвосты» и рубятся!	39
Глава семнадцатая. Тернистая дорога на Северо – Восток	42
Глава восемнадцатая. Стрельба на поражение	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Адский огонь

Виктор Сбитнев

© Виктор Сбитнев, 2016

© Елена Антонова, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Сон на пятницу

После четверговой попойки с капитаном Камнем в кафе «Дербент» Альберту, как ни странно, приснился сон. Обычно под воздействием спиртного журналист всегда спал как убитый, а тут на тебе... сон, да ещё какой! Всё в цвете и чрезвычайно чётко, как на «цифре». Занозистые горы Кавказа над головой, шуршание каменной крошки под искромсанными подошвами «ГД», а впереди – упрямая седая стена полуразрушенной средневековой крепости. Камень глухо говорил, сложив огромные лапы вокруг низкой стопки с бурой маслянистой жидкостью, а Альберт, сидевший напротив с точно такой же, согласно кивал, машинально тыча вилкой в длинную синеватую колбаску из якобы паровой баранины. В недавнем прошлом капитан был «солдатом удачи» в Карабахе, где воевал на стороне азербайджанцев, и ни в жизнь бы не стал делиться с журналистом деталями своего недавнего преступного прошлого, если бы ни посредничество полковника ФСБ Братова, возглавлявшего в областном управлении отдел по борьбе с терроризмом. Словом, Камень медленно и подробно рассказывал о своей житейской драме, а Альберт – вспоминал о своей. Тоже Кавказ, только наш, российский. И это, если хорошенько подумать, ещё большее, чем так называемый заграничный. Впрочем, после распада СССР все наши границы так и остались фикцией, ибо, как выразился недавно российский президент, «они даже не маркированы». И всё же воевать со своим народом, как сегодня это делают на Украине, постыдное дело для любого солдата, хоть удачи, хоть наоборот. А Альберт воевал, хоть и не за тёмные закордонные доллары, как Камень, а всего лишь за куцую в ту пору офицерскую зарплату. И вот теперь этот сон, в котором Альберт сам себе снился уже не боевым офицером регулярной армии, а таким же, как Камень, циничным наёмником, без шевронов, погон и иных знаков различия. За такое, если серьёзно подумать, когда-нибудь всё равно придётся отвечать, а платить по старым счетам всегда особенно тягостно. Под утро Альберта зазнобило, он осторожно сполз с дивана и сел на винтовой стул к компьютеру. Он щёлкал кнопками, почти не думая, но явственно понимая, что пишет ровно о том, с чем ему с давних уже времён приходится жить, «мыслить и страдать», и что стихотворение получится таким, как надо... и ему самому, и «братьям по оружию», и что он обязательно дошлёт его в свой уже подготовленный к печати фронтовой стихотворный сборник:

НАЁМНИК

Меня ведут. Темно и пусто,
Лишь у затылка ходит ствол,
Его холодное искусство
Швыряет козыри на стол.

Не надо плакать, петь, смеяться,
Ни ненавидеть, не любить,
А надо просто не шататься,
А надо просто ждать... и жить.

Немеют лоб, спина и руки,
Горит обломок языка,
И ловит ухо в каждом звуке
Сухую отповедь курка.

Таких, как я, пора к итогу:

Я жил не так, а так – не мог —
Не зря отводят от дороги
И на глаза кладут платок.

К седой стене, согнув колени,
Стою обветренным лицом,
Дрожит земля, и вот мгновенье,
И стало меньше... подлецом.

Поставив точку, Альберт натужно выдохнул, словно только что вернулся из стылых пучин одного из валдайских озёр, где регулярно промышлял с самодельным коротким ружьём-острогой. Резко потряхнув головой, он отогнал остатки ночного «дежа-вю» и пошлепал в ванную принимать обязательный в таких случаях контрастный душ. День, несмотря ни на что, предстоял выдаться нелёгким, поскольку главный редактор «Курьера» Линдмарк ещё вчера придумал для него какую-то заморочную командировку на восток области и, вроде бы, даже с заездом в соседнюю. Обливаясь попеременно то холодной, то горячей водой, журналист пытался вспомнить основной редакторский посыл: то ли убийства на Гриве произошли какие-то невероятные, почти мистические, то ли тамошние полицейские объелись жёлтыми мухоморами и галлюцинируют вместе с межрайонным прокурором. И ему предстояло в этом разобраться. А тут этот капитан не вовремя подвернулся. И ведь не отложить было, ибо потом он бы просто замкнулся – и всё. А Братов его целый месяц пас и раскручивал. Как откажешь старшему товарищу? Ладно, очухаюсь понемногу: пара таблеток аспирина, кружка чая с лимоном и масляной гречки запихать в себя как можно больше. Наскоро подсушив феном волосы, Альберт вышел на лоджию и пейджером запустил движок припаркованного во дворе «Лэнд Ровера». Он купил его всего месяц назад, удачно избавившись накануне от пробитого автоматной очередью «Аутлендера». Последний был хоть и зверски мощен, но ужасно расточителен по части дорогого 95-го бензина. А купленный взамен «японца» «англичанин» заправлялся дешёвой соляркой, которой к тому же съедал почти вдвое меньше. Торопиться надо медленно, решил он, так всегда в его жизни было и надежней, и безопасней. Минут через пять он уже легко спустился по подъездной лестнице, попутно сообщив Линдмарку о том, что уже в пути.

Глава вторая. Загадки Гривы

Главный редактор независимой областной газеты «Курьер» Александр Францевич Линдмарк, «сын чистокровного шведа», встречал своего любимого журналиста, «сына чистокровного немца», заведовавшего в его частном издании отделом расследований, на террасе третьего этажа небольшого особняка, выстроенного лет десять назад на одном из центральных проспектов города вместо сгоревшей здесь «деревяшки», значившейся в муниципальных метриках памятником истории и культуры. Но по застарелым российским привычкам в памятнике этом забыли вовремя заменить проводку, и он в одночасье превратился в дым и пепел. Впрочем, по слухам, без «инициативы» застройщиков проводка бы не замкнула, но доказывать этого никто не стал, как и после иных похожих на этот пожаров. Особняк сдавали в аренду по весьма приемлемым ценам, а потому Линдмарк снял в нём сразу два этажа: на первом его жена и сын держали два магазина со складом, а на третьем размещалась редакция самой читаемой в области газеты и небольшая радиостудия, вещавшая на одной из популярных российских радиочастот. Альберт готовил и озвучивал там криминальные новости и вёл тематические передачи про грибы, ягоды, охоту, рыбалку, театр, искусство, а с недавней поры, после скандальной отставки губернатора Овсова, Линдмарк доверил ему и политику.

– Присаживайся, солдат, – пригласил Альберта редактор, – пей кофе с пирожками. Жена испекла по лучшим скандинавским рецептам. Альберт с удовольствием втянул пряный аромат печёных яблок и осторожно расположился за низеньким неустойчивым столиком.

– Офицер я, однако, Ваше сиятельство (у Линдмарка в роду были то ли герцоги, то ли бароны, то ли князья), – не согласился с начальником Альберт.

– Все мы солдаты в той или иной степени, – наставительно поднял палец Швед. – И чем отчётливее это ощущаем, тем нам легче и успешнее работается. Да ты, чай, это лучше меня знаешь.

– Да уж, – не то соглашаясь, не то иронизируя, кивнул Альберт и, громко отхлебнув кофе, многозначительно потёр прострелянную руку.

– Что, до сих пор ноет? – участливо поинтересовался Линдмарк и придвинул блюдо с пирожками поближе к подчинённому. – Только что звонил полковник Яфасов из УГРО. Их следак уже выехал в Гриву. Ты, по-моему, его знаешь, ещё материал он тебе помогать готовить в прошлом году... э-э-э, про это чудовищное убийство в Заречье. Зовут Семёном, а фамилию я запомнил. – С этими словами Швед стал правой рукой прощупывать пространство над столом, словно где-то там и пряталась эта вылетевшая из его памяти проклятая фамилия.

– Что ж это вы, Александр Францевич, – шутливо боднул упреком шефа Альберт, – да, фамилия у него памятной вашей будет. Семёном Проектором его зовут.

– Точно! Я тоже про институт всё стал вспоминать. Думаю, то ли декан, то ли ректор, а оказывается – проректор...

– Проектор, шеф. От «проектировать». Очень подходящая в нашем случае фамилия, потому что проектировать нам, как я понимаю, предстоит по-чёрному! – С этими словами Альберт демонстративно вздохнул.

– Это точно, потому что пока мы имеем из Гривы сплошную хрень! – Швед так дёрнул под столом ногой, что вся утварь с него едва не полетела на Альберта, но тот вовремя успел одной рукой приподнять свой кофе, а второй – подхватить блюдо с обожаемыми пирожками. Линдмарк виновато охнул и стал промокать свои брюки салфеткой. Слава Богу, брюки на нём были неопределённого тёмного цвета. Тут Альберт невольно припомнил, как на редакционной летучке в прошлом году Швед точно так же облился чёрным кофе, будучи при этом в белых брюках. Конфуз тогда вышел отчаянный! Редакционные дамы только что не рыдали от едва сдерживаемого смеха, потому что главный редактор выглядел таким вдруг описав-

шимся на светском рауте аристократом. Немая сцена усугубилась ещё и тем, что заглянувшая в это время на летучку секретарша громко сообщила, что к Линдмарку по срочному делу выехала заместитель мэра Голубицкая и вот-вот будет в редакции.

– Что там всё-таки происходит, шеф? – Нарочито серьёзно спросил Альберт.

– Дома горят по всей Гриве, как свечи. Причём, вместе с хозяйками. – Ловко попав скомканной салфеткой в пластиковую урну, угрюмо проговорил Линдмарк. – Прямо адский пламень какой-то!

– Дома... вместе с хозяйками... – растерянно повторил за ним заведующий отделом исследований. – Что за мистика, блин? А почему хотя бы не с хозяевами?

– Потому что пожары случаются лишь с домами, в которых живут одинокие пожилые женщины, старухи в общем. – Как-то печально констатировал редактор. – Дома, в которых есть мужчины, ещё не горели. Да и мужиков-то на Гриве кот наплакал. Одни бабки. Словом, может, и случайно так получается, по чистой статистике. Кстати, о Гриве, где ты уже бывал. Это не село, не деревня и даже не район, как ты знаешь, это выпуклость земной тверди, которая делит нашу область пополам: до Гривы все реки бегут в Волгу, а после неё скатываются на Север, к Ледовитому океану. Там, по Гриве, больше дюжины сёл и около сотни деревень. Нравы там свои, много староверов, так что, смотри, Альберт, осторожней...

– Шеф, что всё-таки там случилось? Не нравится мне, что Вы юлите вокруг да около... – Альберт серьёзно занервничал

– Я не юлю, Альберт, а, в самом деле, не знаю, что сказать...

– Право, это совершенно на вас не похоже, – голос Альберта приобрёл несколько ироничные и даже подстрекательские оттенки.

– Короче, там сгорело более полудюжины домов. – Дай Бог памяти, ровно семь. В сгоревших постройках обнаружены трупы хозяек, которые были привязаны к своим диванам и кроватям... Видимо, привязывали их подручным материалом, то есть шторами или полотенцами – словом, что под руки подвернулось.

– А зачем хоть их убили, тем более таким зверским способом? Может, маньяк какой? – В голосе Альберта слышалось очевидное недопонимание.

– Неизвестно. Сожгли – и всё! За что – про что, знает только ветер. Вот, может, ты узнаешь... – В голосе Линдмарка Альберт ощутил сомнительную надежду: дескать, теоретически узнать о причинах столь массовых возгораний, конечно, можно, но практически... практически эти явления могут лежать и вне зоны досягаемости обычных человеческих возможностей. Увы, такое в последнее время тоже случалось.

Глава третья. А в это время

... всё Заиграево копало картофель! На Гриве стоял солнечный день первой декады сентября. За последнее время даже вода в мелких речках прогрелась так, что местные пацаны отваживались в них купаться. Семён, только что сошедший с маршрутного автобуса, тоже недолго раздумывал: снял свою капитанскую форму и опустился в самую благодатную (он родился под знаком Водолея) для себя среду. Под водой он успел заметить, что плавунцы по-прежнему деловито суетятся над песчаником, а пиявки лениво дремлют в водорослях. Вынырнув, он обнаружил, что форма его на месте, а табельным оружием, слава Богу, никто не завладел. Тем не менее, осерчав на себя за неосмотрительность, он неловко обмарался глиной и, брезгливо вытирая липкие икры ног огромным прохудившимся лопухом, стал осторожно выбираться на выщипанную козами луговину. Здесь он, прыгая то на одной, то на другой ноге, кое-как натянул сильно ушитые женой форменные брюки и, ощущая неприятное мокро на заднице, пристально глянул на округу. На горе, сразу за неожиданно глубоким водоёмом, в котором он только что остудился, стояла аккуратная двухэтажка с характерной вывеской. Вот и ладненько, удовлетворённо подумал Семён, но обувая свои «рабочие» ботинки, ступил-таки в какую-то зловонную фракцию, над которой тут же поднялся целый рой зелёных мух.

– Вот, блин, тоже мне, следак! – Посетовал самокритичный Семён. – Не успел добраться до какой-то задницы, а уже влип! Между тем, с огородов ему сочувственно кричали заиграевцы, что де всякий «нет-нет, да и ступит здесь в гомно», а потому расстраиваться не стоит: вон какая на нём породистая картошка вызрела, с кулак величиной! Он отвечал им согласительными кивками, что де без «гомна» в здешнем крае никак не годится, а сам, между тем, неторопливо поднимался на пригорок. В двухэтажке, как он и предполагал, располагалась администрация Заиграевского района. Он нащупал во влажном от трусов портмоне командировочное удостоверение и двинулся по маршруту. Отделение внутренних дел, как его и предупреждал зам по кадрам подполковник Рявкин, находилось строго в двухстах метрах от администрации. Отпугивая привязавшуюся на выпасе вонь, капитан обильно опрыскал себя случайным дезодорантом, но дух после этого пошёл такой, словно только что старший оперативный сотрудник областной криминальной полиции капитан Семён Проектор разгрузил испортившийся неделю назад рефрижератор с трупами. Словом, когда он подошёл к дежурному лейтенанту, тот, даже не успев ничего у него спросить, проворно прикрылся носовым платком и стал судорожно кашлять себе под ноги. Незаметно втянув ноздрями лейтенантский выхлоп, сообразительный Семён сразу понял, что бедалага и так с жуткого похмелья, а тут ещё и он со своим говёным запахом. Прокашлявшись, лейтенант направил его на второй этаж к майору Веткину, который возглавлял местный уголовный розыск. С первого взгляда, Веткин Семёну понравился. Он сразу открыл сейф, достал початую поллитру «Беленькой» и предложил выпить за тех, кто в дозоре. Семён не отказался хотя бы потому, что там, в дозоре или в патруле, он потерял двоих очень хороших товарищей, которых ему до сих пор иногда заметно не хватает. Потом Веткин кратко обрисовал Семёну картину местного криминала, из чего явствовало, что это поле некопаное, которое кто хочет – копает, а кто не хочет – сам становится его частью. Места на Гриве глухие, кругом леса, зверьё, грибы да ягоды. Одни заготовкой леса живут, другие – мясом лосиным да кабаньим, а то и медвежьим. Что ж, откровенно, решил Семён. Это уже хорошо. Народ основательный, строгих правил и, наверное, неплохо знают друг друга.

– Как у вас тут с пожароопасной обстановкой, Иван Иванович? – Как бы между прочим спросил Семён. – Вот, в Городе просто напасть какая-то: то проводка, то неосторожное куренье, а недавно газ рванул на окраине в деревяшке оштукатуренной, дом – в щепу, три трупа, двое из которых – дети.

– Дети – это, чистое дело, трагедь! – С чувством констатировал майор. – Во-первых, сами, наверное, ни в чём таком не виноваты. А во-вторых, пожить то совсем не успели, так сказать, ни нагрешить, ни покаяться. Вон, на Украине ноне гибнут, так там хоть воюют за свою правду, за свой язык, а у нас формально вроде мир, а гибнет, по-моему, не меньше. Вот, ты говоришь, что дети у вас там на газу сгорели, а у нас, наоборот, бабки горят, хоть и не на газу, но тоже в своих домишках. И тут уже не случай, не разгильдяйство наше, а явные поджоги. Да ты, я чую, по этой причине в нашу глушь и пожаловал? – Хитро глянув на принявшего серьёзный вид Семёна, риторически спросил Веткин. – Один приехал или ещё кого ждать?

– От нашей конторы пока один я – так сказать, для прояснения общей ситуации.

– А от других – не знаешь? – Хитро прищурился Веткин.

– Ну, ФСБэшники, сами понимаете, о своих намерениях никогда никому – ни полслова. Им повсюду агенты влияния мерещатся. Так... пожарники у вас уже были. Прокурорские, как я понимаю, тоже?

– А чё, прокурорские? Возбудили два уголовных дела, которые на нас же и повесили, твою мать... – С этими словами майор, не чокаясь, махнул свой без малого стограммовый стопарь и сочно захрустел мочёной антоновкой.

– Да, не печалься, ты, Иван Иванович. – Пожалел майора Семён. – Думаешь, у нас по-другому? Те же, блин, реалии. Кесарю кесарево, а Богу – богово. На каждом нашем следаке – десятки дел, а ФСБешные в компьютерах пасьянсы раскладывают. Сам как-то видел.

– Да, не печалуюсь я, капитан. А от дополнительной помощи – грех отказываться. Здесь без ваших экспертов не обойтись. Да и в лесу бы пошерстить неплохо. – Майор неопределённо развёл руками. – Банда это, не иначе. Чё-то ищут, суки!

– Я в сводке смотрел, запомнил деревеньку эту со страшным таким названием, она к Заиграеву ближе всех. – Семён нетерпеливо защёлкал пальцами. – Как её, блин?

– Грбовщина, – тяжело выдохнул Веткин. – Две избы там за два дня спалили. Двух женщин сожгли: обе одинокие старушки.

– Иван Иванович, а ведь в уголовном деле об этом ничего нет. Там про пожар и гибель людей. Дескать, сухие грозы в это время были, лес там в округе пылал по-чёрному, какие-то пьяные охотники по деревне самогон искали и всё такое прочее. – Вспоминал прочитанные накануне бумаги Семён.

– Вот то-то, что нет. А на фигу им себя обременять? Если преднамеренный поджог – то и статья другая, и ответственность, и сфера расследования, то есть сил надо больше привлекать и своевременно докладывать куда следоват. – В голосе Веткина слышались всё более скептические оттенки.

– Слушай, майор, давай не будем до срока носа вешать? Я сейчас в гостинице пристроюсь, форму вот почищу, ботинки, – Семён печально кивнул на свою буро-красную обувь.

– Да, от тебя малость припахивает. – Согласился майор. – Здесь это на каждом шагу. Ну, сам понимаешь, крокодилов до нас губернатор не довёз (новый губернатор, присланный в область из Москвы, усиленно насаждал не только в Городе, но и в крупных райцентрах переносные биотуалеты ядовито-зелёного цвета), а потому и валят все, где кого припрёт. Да ещё коров развелось... Ну, то есть их, конечно, стало меньше, но нынче к стадам не гоняют, хозяйева пасут сами. Кто пасёт, а кто выгонит – и за свои дела. Прямо Индия какая-то, блин! Ходят коровы где хотят... и сёрут тоже. По-моему, брат, ты аккурат где-то с коровками познакомился.

– Ну, это ещё куда ни шло. – С заметным облегчением заметил Семён. – Навоз, читал я, не только растениям помогает...

– К себе не приглашаю, – перебил Проектора Веткин. – Во-первых, потому что в гостинице для тебя зарезервирован отдельный номер с телевизором и Интернетом, а во-вторых, чтобы разговоров лишних не велось ни в райотделе, ни в администрации, ни в той же упомя-

нутой нами прокуратуре, потому как наш прокурор собирается на повышение к вам в Город, ну и...

– Можешь не продолжать. – В свою очередь перебил майора капитан. – Да и мне самому в гостинице будет свободней. Не люблю никого стеснять. Как устроюсь, позвоню. – Доставая во второй раз командировку, стал прощаться Семён.

Глава четвёртая. Альберт наводит мосты

«Итак, – подводил итоги беседы с Линдмарком Альберт, – Швед, хоть и любит меня, но, похоже, любит по-своему, по-шведски. После этого громкого дела с американскими шпионами, которое принесло его частной газете признание со стороны, почитай, всех государственных структур и соответствующие преференции, в том числе и финансовые, он окончательно уверовал в мои не только, а, пожалуй, и не столько особые журналистские способности. Во всяком случае, сейчас он явно ждёт от меня чисто поисковых результатов, а потому и посылает на эту Гриву, где народу живёт – по человеку на квадратный километр тайги. Причём, каждый второй из этих живущих либо сидел, либо привлекался, либо лжесвидетельствовал. И ведь ни хрена ничего не ясно. Шеф говорит одно, а в сводках что-то я не заметил ни строчки про поджоги. Он говорит, что заведено уголовное дело, но думаю, что и прокуратура ограничилась лишь констатацией гибели людей, иначе бы я давным-давно знал обо всём и без Линдмарка. Скорее всего, к нему откуда-то „протекло“. Вопрос – откуда? Сам он не говорит, не хочет сдавать источник. Опять вопрос – почему? Либо источник для меня неожиданный, и он попросту не доверяет. Либо сам не верит в то, о чём говорит. Как минимум, сильно сомневается. Опять же вопрос – чего он конкретно ждёт от меня? Каких результатов? Если я сумею наладить доверительные контакты с местными и найду подтверждение его, скажем так, концепции о преднамеренных поджогах и мучительном умерщвлении беззащитных женщин – это одно. Это шум как минимум на всю область. Это повышенное внимание силовиков и, скорее всего, губернатора. А вот если мне, как прошлым летом, удастся наладить совместный с ментами поиск поджигателей и добиться при этом позитивного результата – это уже совсем другое. Тогда наш „Курьер“ загремит на всю Россию, что не может не тешить его не только редакторского, но и милицейского честолюбия. Помнится, он из УВД плоховато ушёл, какого-то выскочку на его полковничью должность взяли, который его к тому же подсел. Об этом даже „Городские вести“ писали в скандальной хронике, если не ошибаюсь. Надо обязательно глянуть на сайт или, лучше, в подшивку, потому что в ту пору на комп могло и не попасть. Однако, шеф. В прошлый раз меня подстрелили, хоть и работал я по ясной схеме среди вменяемых людей, в весьма заселённой местности, а тут посылают в какое-то Гуляй Поле таёжного разлива с крайне расплывчатыми целями. Там хоть тётка родная жила, которая всех знала буквально в лицо, а здесь единственно Сёма Проектор, который, быть может, сведёт меня с местными ментами, если нас раньше не сожгут как тамошних старух. Да и ружьишки там имеются в каждом дворе. Нет, просто так, без подготовки ехать не годится. Идёт он, этот Линдмарк, со своим честолюбием... Надо попробовать навести мосты».

Подумав так, Альберт достал блокнот и стал выводить на нём имена и должности тех, с кем необходимо предварительно встретиться или хотя бы переговорить по телефону. Странно, подумал он, а почему Швед не дал мне, кроме капитана полиции, ровным счётом никого? Почему-почему, да потому, тут же решил он, что не хочет утечки насчёт моей тайной миссии. С одной стороны, и правильно делает, поскольку опасается, как бы мне в спину не надуло. А с другой, – не хочет терять права первой ночи. Что здесь важнее для него – большой вопрос. Если б он не был в прошлом ментом, я бы поставил на первое, но он был им и дослужился до полковника, а для этого ему наверняка пришлось очень и очень многим поступаться. А когда это происходит с человеком многократно, даже с самым каким ни есть порядочным, искренним и тому подобное, то раздвоенность неизбежна. Да и падать с должности заместителя начальника УВД больновато. Я для него, как для бывшего ментовского начальника, всего лишь бывший отставной капитан-спецназовец, этакий беспредельный пловец, волею судеб прибитый к его журналистской лодке. И он наверняка считает и, может быть, даже вполне искренно, что я ему за то, что он не огрел меня веслом по башке, чувствительно обязан. Я это

уже проходил и там, за речкой, и здесь, на гражданке. Тем не менее, что из всего этого следует? А следует то, что «засвечивать» свой интерес к Гриве можно только перед либо проверенными, либо неболтливыми, либо преданными нашему делу людьми. А лучше, когда всё вместе.

Первым в свой «предкомандировочный» список Альберт внёс самого Линдмарка, все телефоны которого были давно забыты в его сотовый. Но порядок есть порядок. В экстренных случаях он всегда помогал Альберту принимать оптимальные решения. Второй, подумав некоторое время, он написал фамилию Братов, полагая, что помощь такого опытного и, как заметил наблюдательный журналист, нетипичного ФСБэшника ему может в одночасье крайне понадобиться. Затем список медленно, но верно пополнили ещё несколько фамилий. В следственном управлении Комитета у Альберта появилась новая зазноба, майор Дина Ким, молодая кореянка, переведённая в Город из далёкого Биробиджана вместо подавшей в отставку полковницы Майоровой. По этому поводу Альберт одно время отшучивался от хитрых подколов Линдмарка: «Одной Майоровой меньше, а одним майором больше!». Вписал сюда журналист и сотовый Семёна Проектора, которому следовало позвонить раньше всех, поскольку он был в теме и, судя по настроениям Линдмарка, ни на кого в личном плане не выходил. Пока, думал Альберт, вряд ли его сотовый стоял на прослушке. Если только у самого Шефа. Этот, шведская его башка, может... В это время к нему вдруг невольно привязалось забытое «Ура, мы ловим, гнутся шведы!». Засовестившись, Альберт долго отгонял эту хоккейную считалку, пока она сама не уступила новой – «Куда идём мы с Пятачком?». Интересно, подумал отставной капитан-спецназовец, а полицейский капитан Проектор похож на Пятачка? Далее в списке Альберта появился заместитель начальника Управления лесами Андрей Топорков, с которым Альберт не только неоднократно работал по материалам, но также играл в шахматы и собирал берёзовый сок на даче, а главное – пил водку с его женой и жарил с детишками шашлыки. Такой не подведёт, думал Альберт, попутно сгоняя с языка шахматные ритмы Высоцкого: «Ведь мы сыграли с Талем десять партий, в преферанс, очко, на бильярде, и Таль сказал: «Такой не подведёт!». Вспомнил Альберт и про начальника охотуправления Дробовикова, который не единожды брал журналиста на кабана, а однажды и на редкую охоту с соколом. Этот написал толстенную книгу «Царская охота в Городской области», знал регион, как свои пять пальцев, имел многочисленные знакомства, в том числе и на Гриве. Этого можно было использовать втёмную ради якобы работы над каким-нибудь либо этнографическим, либо природоохранным материалом. Тут Альберт вспомнил про хозяина частной адвокатской коллегии «Шанс» Серёгу Бережного, который мог обеспечить самой качественной адвокатской помощью и доктора юридических наук, и какую-нибудь доярку Симкину из той же Гривовщины, которая не верила ни в какие иные суды (ни в уголовные, ни в гражданские), кроме Страшного. Кстати, именно про эту доярку Альберт недавно прочёл в «Среднерусской правде», что она, увидев под окном своей избы невестку откуда взявшуюся там икону «Тройная радость», не стала заносить её в дом, а ждала ровно три дня. После этого, обратив внимание на то, что икона несколько не пострадала под дождём, завернула её в холстину и отвезла в храм к отцу Серафиму, за что получила благодарность от самого Владыки Александра. «Во! – Вдруг пришла Альберту неожиданная мысль. – Надо бы и с Владыкой встретиться, испросить у него благословения на уничтожение этого адского пламени. Впрочем, лучше, наверное, Серафимом ограничиться. И Альберт записал в блокнот телефонный номер епархиального управления, которое наверняка располагает координатами храмов на Гриве. После этого журналист начал звонить и, по согласию, назначать встречи, в том числе и кое с кем из братков, промышленявших лесом по всей области. Эти могли дать накладки по местным беспределщикам, потому как, если кто и сжигал старух, то именно они, в чём у Альберта сомнений почти не возникало.

Глава пятая. Ловись, рыбка

В гостиничном вестибюле густо пахло «Шипром». Откуда сей запах в столь американизированное время? – спрашивал себя Семён и не находил ответа. – Нет бы хоть каким-нибудь «Консулом» повеяло, это ещё как-то можно ущучить, но «Шипр» – это давно выветрившийся советский запах. «Шипр» – для мужиков, «Красная Москва» – для женщин. Впрочем, я уже путаюсь, где то, а где это. По-моему, здесь пахнет воспоминаниями сразу и о моём деде, и о моей бабушке. Эпоха, блин! Семён вопросительно кашлянул и придвинулся к гостиничному столу. Сидевшая за ним администраторша, бегло глянув в красное капитанское удостоверение, достала из бокового ящика заранее приготовленный ключ от номера и вежливо сообщила, что он находится на втором этаже и что с дороги можно заказать себе чаю с пирожками. Горничная минут через десять постучится к нему с подносом. Однако, подумал опешивший Семён, ненавязчивый заиграевский сервис меня всерьёз удивляет. Я поражён в самую пятку! Но вслух он лишь сдержанно поблагодарил, попросив предусмотреть его пребывание в гостинице никак не короче недели.

– Как пожелаете, – легко согласилась администратор. – У нас всё больше дальнобойщики останавливаются, а им ваш номер без надобности. Они живут по трое, им так удобнее и по деньгам, и в быту. Женщина заметно задержала взгляд на Семёновом пистолете и вдруг доверительно сообщила ему о том, что с полчаса назад звонили из областной газеты «Курьер» и просили забронировать такой же одноместный полулюкс и тоже в аккурат на неделю. Поблагодарив, Семён стал медленно подниматься по скрипучей деревянной лестнице, какие он страшно любил с самого детства, когда жил примерно в таком же, как эта гостиница, доме. Интересно, размышлял он, безрезультатно вращая туда-сюда ключом и слушая над собой характерный фальцет агонизирующей мухи, неужели сам Альберт Эдуардович Нидерквель в эту глушь пожалуют? А что? Если в редакции про этот пламень уже пронюхали, то кого же ещё сюда засылать, как ни Альберта? И хорошо, однако. Он не то что эти пустобрёхи из «Среднерусской...», и публикация какой-нибудь сенсухи для него не главное. Он больше уважает сам процесс, как и я, впрочем. Хорошо, если он, а не какой-нибудь Порывайло. Тут Семён вспомнил шоумена с местного телевидения и его замутило, как двумя часами раньше, когда он угодил в кучу с зелёными мухами.

Чай принесли, как и было обещано, ровно через десять минут. За это время капитан успел переоблачиться в спортивный костюм и стоптанные мохнатые тапки. Горничная оказалась весьма пожилой дамой, явной пенсионеркой – так что ему стало даже неудобно от того, что ей пришлось подниматься к нему на этаж да ещё с весьма нелёгким подносом, на котором были уютно расставлены фарфоровый чайник, чашка с блюдцем, сахарница и стеклянная вазочка с полудюжиной румяных пирожков. Лихо подмигнув женщине, Семён опустил в её оттопыренный на фартуке карман сложенную пополам сотню и, заперев за нею дверь, с чувством рухнул на широкую деревянную кровать. Но полностью расслабиться так и не удалось. Едва Семён отхлебнул пахнущего мятой напитка, как на его столе охнул телефон. Станный это был звонок, точнее и не звонок вовсе, а именно какой-то не то вдох, не то выдох. Звонили из Города. Звонил, разумеется, Альберт, уже откуда-то знавший, что звонит именно капитану полиции Семёну Проектору.

– Привёт, Сёма, – говорил журналюга таким голосом, словно только что пил водку вместе с Веткиным. – Ты уже расположился? Отлично. Со своими гутарил? Что они бают?

– Да, пока ничего определённого. – Решил подстраховаться до поры Семён полным неведением, но ему тут же стало от этого так стыдно, что он договорил реплику до конца:

– Тут майор Веткин, здешний начальник по криминалу, обещал вечером позвонить. Может, что-то прояснится?

– Будем надеяться. Я пока прозвонкой занимаюсь. Так что, будь спок, тоже не с пустыми руками на Гриву пожалую. А помнишь, как мы в Мадриде? – Вдруг громогласно шуткнул в трубку Альберт. У Семёна даже ухо заложило. Ну, и голосюга, подумал он, а вслух ответил, что хорошо помнит не только про Мадрид, но даже и про Цусиму.

– Нет, Цусима в нашем случае не годится. – Возразил Нидерквель. – Лучше уж Брусиловский прорыв. И они пожелали друг дружке успехов до следующей созвонки. Но не успел Семён перевести дух, как в телефонном аппарате вновь кто-то тяжело вздохнул. На сей раз это был майор Веткин.

– Слышь, Семён. Я на вечерний клёв на наш пруд собрался. Не желаешь компанию составить. Там и разговоры разговаривать приятней. Не бойся, со мной, брат, ты все кучи минуешь. У меня на них особый нюх.

– А что? – спросил то ли Веткина, то ли самого себя Проектор. – Может, с этого и стоит начинать? Ты только удочку на меня возьми и...

– Да что ты, право, Семён. Что ж я не понимаю, что ты на такое дело удочки из Города не попрёшь? Я и удочку возьму, и опарышей, и малость повечерять... с подогревом. Всё как положено в нашем суровом северном крае! – Веткин переменял игривый тон на более серьёзный. – Давай через пару часов выкатывайся из гостиницы, я тебя возле администрации подхвачу. Вернув трубку на рычаг странного аппарата, Семён поставил на сотовом будильник и отдался во власть Морфея.

Глава шестая. Из огня да в полымя?

Именно такая рокировка могла произойти с Альбертом в том случае, если бы он вдруг обнаружил преднамеренное происхождение всех этих возгораний на Гриве. К такому выводу журналист пришёл по завершении своих звонков и встреч с некоторыми близкими к местной власти людьми. Не хотелось ни первым, ни вторым людям области осмысливать все эти ужасы, происходящие на вверенных им территориях. Куда как проще уповать на то, что если и коснулись крайков нашей области поджигатели, то совершенно случайно забредя в одну или две полумёртвых деревеньки с густонаселённых просторов соседнего индустриального региона, где они и родились, и выросли, учась одновременно, как выразился сатирик, пить, курить и говорить. Выродки, конечно, но не наши. А ещё лучше, вообще не касаться этой мутной субстанции: осадок, он и есть осадок – осядет, когда придёт время, а пока нехай его плавает себе по поверхности. Мало что ли у нас пьют да по пьянке курят и разводят огонь где ни попадя? Только за последние полгода в области погибло от самовозгораний около сорока человек! И кому и зачем сжигать этих неимущих старух, которым и пенсию-то приносят не каждый месяц? А это мысль! – Размышлял над узанным Альберт. – Если пенсию на Гриву привозят, допустим, раз в три месяца, то у восьмидесятилетней бабушки она может составить тысяч тридцать, а то и поболее! На такую сумму иной бандюган вполне может и отважиться! Даже если не алкаш и не наркоман. Хотя пьют в том краю практически все: кто – больше, кто – меньше. Значит, – отдавал себе отчёт Альберт, – если мы с Проектором докажем, что старух ограбили и, заметая следы, сожгли, то нас самих постараются испепелить. И это, судя по всему, сделать будет не так уж и трудно... руками каких-нибудь залётных калымщиков или обычных зэков из УДО, коих на Гриве – пруд пруди! Закопают с огромным энтузиазмом. В Городе ныне модны корпоративные гулянки по кабакам, а на Гриве – корпоративные мочилова по полянкам да лесосекам. Помнится, минувшей весной там уже бушевало стихийное пламя, гектаров двести леса вылизало, а вместе с ним молодого участкового и двоих егерей. Поначалу какой-то лейтенант из следственного управления что-то там накопал про насильственную смерть, какие-то характерные следы на обгоревших телах нашёл, но начальство этого следовательского порыва не поняло и не поддержало. Семьям выплатили приличные компенсации, и дело незаметно заглохло. Альберту удалось заполучить его по своим каналам, и вскоре он понял, что лейтенанта попросту сломали как раз в тот момент, когда он уже вышел на конкретных убийц. Сначала у молодого следователя загорелась дверь в квартире, а потом и его новый «жигулёнок». Воистину формула – из огня да и в полымя! Огонь остался дремать до поры в тайге, а преступное пламя добралось до Города, где остерегающе опалило самых непонятливых. Всё просто, ничего лишнего, как на обычной войне. И если я хочу для Гривы мира, то к ней, войне, как гласит пословица, и надо готовиться.

И решив так, Альберт стал собираться в дорогу. Солнце к этому времени скатилось за соседнюю высотку, разбрызгав багровые протуберанцы по соседним магазинам, кафе и боксам доставшей Альберта до печёнок тепловой организации. Принеся с лоджии высокий специализированный рюкзак, отставной капитан проверил в его боковых карманах охотничий нож, компас, бинокль, походный топорик, компактный надувной матрац, складные спиннинг с удочкой и иные необходимые в полевых условиях штуки. Отдельно он уложил в специальный непромокаемый пакет соль, сахар, перец, небольшой контейнер с лекарствами, а также зажигалку, тройку файеров и флакон с жидкостью для разведения огня. Потом приступил сначала к одежде, а затем к продуктовому блоку, куда помимо консервов, концентратов и галет вошли литровая фляга ректификата и подарочная коробка трёхзвёздочного «Арарата». В итоге рюкзак получился столь увесистым, что Альберт, для пробы взвалив его на плечо, невольно крикнул. Впрочем, до гостиницы он доведёт всё это имущество на машине, а в номере можно будет

произвести некоторую целевую перезагрузку. Будет гораздо хуже, если по прибытии на место он обнаружит досадную нехватку чего-то очень важного, необходимого для действий в конкретно сложившейся ситуации. Ближе к сумеркам позвонил Швед, хитро поинтересовался настроением и ценой на солярку. Потом исподволь попытался выведать что-нибудь из предварительной информации, которую, по его мнению, Альберт наверняка сумел получить через свою агентуру. Альберт отвечал уклончиво, в том смысле, что, дескать, данные очень отрывочные и поверхностные и о наличии 105-й статьи УК (убийство) пока ничто не говорит.

– Что вы хотите, шеф, – заканчивал разговор заведующий отделом расследований, – у нас в Городе за полгода почти тридцать человек одних пьяных курильщиков живьём сгорело, а тут отдалённые деревни, где всё из дерева, а из кирпича разве что одни печи. Опять же, в августе ни капли дождя, лес как порох, а бабки тамошние глухи, слепы и малоподвижны. Тут, Александр Францевич, проблема скорее социальная, чем криминальная.

– Ну, ты, Альберт, разберись во всём, как один ты умеешь. Социальность ведь тоже можно так подать, что мало никому не покажется: ни губернатору, ни Думе, не тем более местным воротилам. Помнишь, какой громкий скандал вышел, когда ты про дом престарелых написал, в котором бывшие зэки избивали ветеранов войны? Понял, куда я клоню? Наша газета всегда имела своё неповторимое лицо, и во многом благодаря твоим стараниям. Не подведи и на сей раз. Я селезёнкой чую, что с этой Гривы уже давно всё самое интересное скатывается от нас в сторону Ледовитого океана.

– Не селезёнкой, шеф, а печёнкой, – попытался поправить Линдмарк Альберт.

– Это почему ещё? – Недовольно огрызнулся Швед.

– Именно печень, так сказать, курирует в нашем организме основной температурный баланс. – Вполне серьёзно пояснил редактору всесторонне начитанный подчинённый, подумав про себя при этом: «Линдмарк определённо ждёт от меня очередного криминального чуда, а такие чудеса в моей профессии нынче пахивают кровью. Нынче вам не девяностые, когда нашего брата на руках носили, нынче журналюг оскорбляют и мочат, потому самые хитрые и подались кто во власть как Мединский, кто в шоумены, как Соловьёв, а кто и в тривиальную службу сильных мира сего или в рупоры спецслужб, как некогда Доренко или Караулов. А я остался, выражаясь высокопарно, на своём боевом посту. И Линдмарк, зная об этом, не теряет времени даром: хоть по-своему и любит меня, но ещё больше любит своё редакторство, в которое сам неожиданно для себя перелез из ментовского кресла. Просто он очень долго занимался закручиванием гаек и теперь всё никак не может наиграться в свободную, демократическую прессу. Однако, как сказал поэт, „но времена для брутов слишком круты“. Вот для меня они уж точно круты, и надо быть готовым к тому, что если я докопаюсь до криминальных причин этого адского огня на Гриве, то, и в самом деле, могу запросто попасть в полымя сначала там, в лесах, а если не сгорю, то и здесь, в городских кварталах».

Глава седьмая. Альберт вспомнил, что связи нет...

Приготовив тревожный рюкзак, Альберт вдруг представил себе Гриву, где впервые он побывал ещё в прошлом веке. Помнится, он уговорил главного врача экстренной медицинской помощи Фельдшера взять его с собой в группу дальнего вызова «по скорой». Летели на биплане «Ан-2» на самый север области, откуда, по рассказам старожилов, в особо ясные морозные ночи можно было запросто наблюдать гуляющие по горизонту всполохи Северного сияния. Сам полёт Альберт почти не запомнил, а вот посадка осталась в памяти почти на всю жизнь. Самолёт, пересаженный в зиму с колёс на лыжи, плюхнулся прямо на огород к какой-то древней старухе, где местные мужики наскоро соорудили несколько сигнальных вех да возле наполовину занесённой снегом калитки примостили носилки с тяжело раненым лесорубом, который, как они выражались, «поймал развилку», то есть комель спиленной ели, которая, разогнавшись во время падения, со всего маху врезалась раздвоенной вершиной в стоящий напротив крепкий дуб. От резкого столкновения комель (основание) подбросило на несколько метров вверх и... Ротозею-пильщику повезло, что не убило. Как показалось Альберту, самолёт после касания «лаптями» наста почти не катило. Прямо, что твой вертолёт. Как потом оказалось, пилот «Ана» ранее летал на Кавказе, где поднимал в ущелье свой «Ми-8-ой» не как вертолёт, а по-самолётному: с небольшим разгоном и по горизонтали. Альберт помог тещедушному Фельдшеру загрузить в салон носилки с раненым, установить над ним капельницу и, извиняясь, попросил назад лететь без него, чем страшно обрадовал одичавших мужиков, жутко охочих до новостей и новых впечатлений. Вскоре самолёт, спешно затарившись ещё парой бидонов деревенского молока, так же косо взлетел, словно выпущенный из судовой катапульты, а Альберт тут же устроился на постой к леснику Гордею Постникову, с которым потом не раз созванивался и списывался. Вечером славно поужинали зимней окрошкой с простоквашей и хреном и лосиными котлетами с морёным в печи капустным листом, запивая всё это доброй Постниковской медовухой и принесённым с мороза Альбертовым спиртом, разбавленным наполовину местной ключёвкой. Досыта наевшись и наговорившись, вышли, разомлевшие, покурить. С юга на очищенную со всех сторон от снега избу смотрела полная луна, а слева и справа – с Запада и Востока – сумрачно нависали молчаливые ели, с которых нет-нет да и срывались вниз набрякшие шапки январского снега. Несмотря на святочную пору и ясную погоду, в тайге было не морозно, то есть температурный столбик не падал даже до минус десяти. Ещё на кухне Гордей свернул две козых ножки и теперь раскочегаривал их Альбертовой зажигалкой. Вскоре в воздухе повис терпкий аромат заморского табака. Оказалось, в деревеньку кто-то из калымщиков завёз по случаю семян «Вирджинии», и вот теперь почти все местные мужики – лесорубы и охотники – перешли с вошедших в привычку российских «бондов» и «винстонов» на американскую козью ножку.

– Слушай, Гордей, – мечтательно спросил тогда у лесного человека журналист, – мне кто-то из ваших однажды похвастал в Городе, что по ночам отсюда иногда видят Северное Сияние... – С этими словами Альберт повернул лицо к Северу, строго на Малую Медведицу и Полярную звезду. Но Север был угрюм и чёрен, как растопленный для заливки крыши гудрон.

– Отчего же похвастал? – Лениво попыхивая самокруткой, почти обиженно проговорил Гордей. – Прилетай, однако, после Крещенья, а лучше в феврале. Покажу. Оно у нас, конечно, не такое высокое, как в тундре, но мало-мало прогуливается над дальним лесом. А сейчас луна большая да больно тепло. Светло и туманно, в общем. После двух подряд таких славных вечеров Альберт ещё трижды бывал у Постникова, но Северного Сияния так и не увидел: то тепло, то светло, то много выпили. Но всякой ночью они выходили с лесником под чёрное

звездастое небо Гривы и, с надеждой глядя на Север, Альберт читал Гордею отрывки из своей новой поэмы «Грива»:

Скрипну по двору лёгкой походкой,
Млечный путь над избой, как река,
Чудный месяц серебряной лодкой
Против ветра скользит в облака.

Ни дымов, ни собачьего лая,
Всё леса да леса без конца,
Только сосны согласно кивают,
Да шуршит снеговая пыльца.

Вот и снова на дальнем кордоне
Я живу как отшельник один,
Грею воду в железном бидоне,
Чищу ветошью свой карабин.

И как прежде и вольно, и грустно,
Когда просто идёшь налегке,
И забытое первое чувство
Сторожит в голубом сосняке.

Разомлевший от нахлынувших воспоминаний молодости Гордей просил Альберта почитать ещё и ещё. Альберт читал. Потом они выпивали на брудершафт привозного коньяка, и Альберт принимался за последнее, про их любимое небесное созвездие:

Может, кажется, может, грезится,
Может, снится в глухую ночь —
Голубеющая Медведица
Виновато уходит прочь...

Альберт читал и читал, а Гордей, со вкусом затягиваясь «вирджинией», молча думал о чём-то давно прожитом и забытом, что неизменно возвращалось и сладостно щемило грудь этими редкими для него вечерами. Нередко потом, возвращаясь в Город, Альберт начинал тосковать и томиться, что не раз заставляло его набирать на сотовом памятный Гордеев номер, но почти всякий раз в ответ эфир сначала безмолвствовал, а затем «отплёвывался» короткими гудками. Вскоре Альберт усвоил, что связь на Гриве как минимум не надёжна. А окажись ты ненароком в тайге, так наверняка не дозвонишься ни до города, ни тем более до райцентра. А сейчас предстоит ехать даже не к Гордею в лесничество, а в самую натуральную глушь, где не то что связи, но, пади, и света-то нет. Альберт тоскливо посмотрел в свой ноутбук и набрал Линдмарка по скайпу:

– Здравствуйте, шеф, – вяло поприветствовал журналист своего начальника. – Я тут позапрошлогоднюю поездку на Гриву вспомнил. Я ещё тогда про ворованный лес писал и бандитские займки на таёжном озере...

– Ну, как же, как же! – Как будто вспомнив о чём-то интимно приятном, ответил прихлёбывавший из чашечки Линдмарк. – Этот твой материал потом ещё в Москве выходил, в этом, как, бишь, его...

– В «Аисте», – напомнил Шведу Альберт, – который деток приносит. Но в сокращённом варианте.

– Всё равно, – решительно возразил редактор, – мне приятно было. Лощёная столичная газета перепечатывает нашу статью, да ещё со ссылкой.

– Да, ерунда всё это, шеф, личные связи. – С досадой стал оправдываться Альберт, который физически не выносил фамильярных благодарностей. – Я, если помните, там, на стажировке целый месяц был. Сначала в Москве на Старой площади, а потом на их корпоративной базе в Ульяновске. Но я не про это сейчас хотел поговорить. Даже не поговорить, а попросить...

– О чём? – Тут же принял сторожевую стойку Швед.

– Там, куда вы меня направяете ловить бандитов, – почти зло выдавил из себя Альберт, – очень плохая связь. Точнее, когда я там был в последний раз, она пропала вовсе. Я только сейчас пробовал дозвониться туда знакомому леснику, и ни хрена у меня не вышло. Может, он, конечно, надрался или утопил в колодце свой телефон, только вряд ли. Поэтому, Александр Францевич, вы бы спутникового на недельку для меня попросили у этого вашего земляка... представителя президента. У него, знаю, точно есть. А вы, помните, рассказывали, что он тоже шведских кровей? На каком-то там фиорде родился...

– Он – из норвежцев. – Сухо ответил Линдмарк.

– Тогда попросите у него лыжи или беговые коньки, и подождём до зимы. – Насмешливо посоветовал болезненно воспринявший сухость начальника Альберт.

– Да, не кипятись ты, – остановил его Линдмарк. – Я тут расслабился за ужином. Выпили с Галкой мадеры. Кстати, ты пробовал хохляцкой мадеры? Ай, ничтяк! Только уж больно дорого ломают, бандеровцы!..

– Шеф, вы же швед, вам пристало помнить о Мазепе, – посоветовал участливо Альберт.

– Да, иди ты, право, со своими аналогиями. Один хрен, что Мазепа, что Бандера, что этот их нынешний Тягнибок. Все за нацию, за нацию! Спрашивается, за какую? Вот Киев с первого тысячелетия – мать городов русских, Одессу француз Ришелье основал, Крым много веков был татарским, а по всему Днепру сотни лет хозяйничали запорожцы, то есть казаки, скорее более родственные нашим донцам, чем украинцам. Да и не жили они на окраине, а если что, прямо-ком к нашему царскому двору хаживали. Да и какие они националисты, скажи на милость, эти правосеки, если только и мечтают, как бы поплотнее прислониться к тёплой немецкой заднице?

– К американской, шеф, – вежливо возразил полунемец Альберт, – но вы отвлекаетесь.

– Ладно. Добуду я тебе этот телефон. И «Мадера» с меня, если удачно съездишь. Нет, две «Мадеры», – поправился Линдмарк.

– Если я вообще оттуда вернусь, то сам поставлю, – парировал журналист. – Впрочем, если всё удачно пройдёт, то обязательно съезжу на эти самые фиорды. Мне Илона из туристического «Атласа» и путёвку уже предлагала.

– Вместе съездим, Альберт, по Шенгену. Давай завтра поутру звякни и— за чемоданчиком. Я сейчас договарюсь...

– Простите, Александр Францевич, за нетерпение, но лучше бы сегодня успеть. Я завтра чуть свет выйду. До Гривы от нас никак не меньше четырёхсот вёрст. И дороги там, скажу я вам, похуже, чем... в Крыму (в это время по ТВ только и делали, что сокрушались о плохом состоянии крымских дорог). Швед уже никак не возражал, лишь заметил, что прежде чем позвонит представителю, «хлопнет ещё бокал мадерцы». Альберт на это лишь удовлетворённо зарычал. Кажется, ему удалось обезопасить себя хотя бы по части надёжной связи.

Глава восьмая. Тайны Заиграевских озёр

На берегу Заиграевского пруда Семён испытал странное ощущение. Он вдруг явственно почувствовал, что это как будто не он купался здесь тремя часами раньше, а какой-то другой капитан, дерзкий, хулиганистый, беспечный. Сейчас всё было по-другому, всё говорило об округе, как о весьма уютном, весьма ухоженном и даже по-своему респектабельном уголке русской земли. Оказалось, что в центре пруда надёжно торчит небольшой островок с изящной беседкой и плакучей ивой посередке, а с другого берега пруда смотрят прямо на районную администрацию сразу пять посеребрённых куполов высоченного, явно действующего храма, от ворот которого к аккуратной прибрежной луговине, старательно подбирая полы длинной сутаны, неторопливо шёл высокий бородатый мужчина с огромным крестом на груди.

– Вот и отец Серафим с обходом, я тебя с ним обязательно познакомлю. – С видимым удовольствием проговорил Веткин, нетерпеливо дёргая на себя натянутые ручки туго набитой дорожной сумки. Между тем, как на берегах пруда, так и на маленьком круглом островке с причаленными к нему с заветренной стороны небольшими деревянными плоскодонками шевелились прилично одетые люди. Ни ожидаемых поношенных плащей, ни универсальных бесцветных фуфаяк «весна-зима-осень» Семён не увидел. Преобладали яркие импортные ветровки и добротные спортивные костюмы, а на ногах вместо растопыренных болотных сапог и затёртых, измученных непогодами кед «на выброс» – аккуратные кроссовки или высокие туристические ботинки. Семён пристальней глянул на майора и нашёл его вполне «камельфо»: стильная курточка цветов немецкого флага, отглаженные синие джинсы, заправленные в широкие голенища прорезиненных синих же полусапожек. Семён глянул оценивающе на себя и недовольно поморщился.

– Иван Иванович, – выйдя через пару минут на лужок перед администрацией, позвал он майора, – что это у вас тут за тайная вечеря?

– Хорошее название, можно даже сказать – точное, – без колебаний согласился Веткин. – Понимаешь, я позвал тебя на озеро для, так сказать, заправки. Ну, чтобы ты мог загодя наладить кое-какие контакты, собрать некоторую полезную информацию. Здесь вечером это можно сделать гораздо быстрее, а главное – качественнее, чем рабочим днём, плутая по учреждениям, разным там коридорам и приёмным.

– Ты хочешь сказать, что на вечернем озере возле администрации собирается весь ваш бомонд? Кстати, почему вдруг на озере, а не на пруду, как днём? – С удивлением спрашивал Семён.

– Вот именно, что бомонд, а не только силовики да чиновники. Сюда порыбачить и капиталисты местные приходят, и ребята с не совсем, скажем так, позитивной репутацией, – начал перечислять Веткин, но Семён невольно перебил:

– Что, бандиты что ли?

– Это у вас в Городе бандиты, а у нас, так сказать, добровольные помощники власти. У них своя кухня, свои понятия о справедливости, и мы к ним нередко обращаемся за помощью, особенно если кто-нибудь наследил в тайге или на дальних выселках. Думаю, что тебе тоже без их консультаций не обойтись. А почему озеро? Да, потому, что пруд копают, а этот водоём, согласно архивным метрикам, был здесь и пятьсот, и шестьсот лет назад. Думаю, что и до появления здесь людей вообще. Так, в нём ещё при Иване Третьем татарский отряд утопили. Тогда, говорят, и островок этот вырос, вроде как в честь доблестного местного воинства – чуди, вепсов, комяков и новгородских ушкуйников, которые всю эту кампанию и возглавили. Они вообще татар лупили по всей Волге, ещё задолго до Куликова поля. Да и было ли оно на самом деле? Вон уж который год копают, а воз и ныне там. Ни черта не нашли. А здесь

и ваши, и столичные археологи много чего находили, в том числе, пики, лезвия, остовы шлемов и кольчуг.

– Археологам я, конечно, верю, – с неохотой признался Семён, – а вот насчёт природного происхождения островка у меня имеются большие сомнения. Думаю, что насыпали его крепостные по указке какого-нибудь местного самодура, что встречается довольно часто.

– Часто да нечасто, – тяжело вздохнув, не согласился Веткин. – Ты вот купался здесь и нырял, но с берега, и то, наверное, заметил, как дно резко вглубь уходит. Заметил?

– А то! – Сознался знаток подводных миров Проектор. – Думаю, что здесь на серёдке метров пять – шесть будет, если не больше.

– А вот и больше. Нырни-ка ты прямо возле острова, можешь хоть солдатиком сигать вон с крыши беседки, и хрен дна достанешь уже через пару-тройку метров. Один тут приезжий москвич попытался, так его еле-еле откачали, сердечного, – так, бедняга, нахлебался.

– Да пьяный, наверное, полез. – Скептически отозвался Проектор. – По пьяни в одной пригородной деревне тракторист в придорожной луже утонул!

– Да причём тут пьянка?! – Зло отозвался Веткин. – Я сам этого парня в озере вылавливал. Трезвый он был. Просто сил не рассчитал, не поверил, что ему, только что вернувшемуся с Красного моря, с каким-то сельским прудом не управиться. А всё почему? Там в море видимость идеальная и вода вдвое плотнее, а самое главное – теплее и предсказуемей. Нырнёшь – и всё у тебя, как ладошке, до самого подводного горизонта. А у нас вода зеленее травы и слоями: тёплый – холодный, а метрами двумя ниже поверхности вообще не прогревается. Считай, родниковая. Вот он с дуру и вбухался в этот слой и ориентировку потерял.

– Иван Иванович, так какая примерно глубина возле острова? – С неподдельным интересом спросил любопытный Семён.

– Да, мерил я с лодки. Пятнадцать метров. А ближе к середине – и все тридцать будет. Словом, хрен здесь такой остров насыплешь без техники... вот учёных бы сюда из столицы. Аквалангистов там, ихтиологов, археологов, а, может, даже и вулканологов. Здесь неподалёку с кургана бульдозером бочину срезали, так там сразу слоёв шесть наружи оказались: два белёсых, два пепельных, один чёрный, а один красноватый такой, но не совсем глина. Там и пепел, и ракушечник окаменелый, и, знаешь ты, много этакой золотой пыли на камнях, что с верхнего слоя вывалились. Кстати, здесь неподалёку в тайге, километрах в трёх, ещё два глубоководных озера есть. Вода ледяная и привычной рыбы нет. Аким с кордона грузом мерил: почти сто метров лески в воду ушло, а так дна и не достал.

– Привычной рыбы, говоришь, нет. А какая есть? – С искренним удивлением вопрошал Семён. – Неужто какая доисторическая?

– Да, нет. Те же шуки, но совсем другие. Короткие, как поросята, и чёрные, как трубочисты. А вот сомы наоборот, больше похожи на крупных налимов, только очень светлых и с небольшими головами. Словом, самому тут ни в жисть ничего не понять. Одно слово – Грива! И этот островок, что ты перед собой видишь, не иначе, как пуп земли. Под ним две платформы таким коньком сходятся: одна отсель опускается на юг, в сторону Города, а другая на север, к тундре и студёным морям. Вот, примерно так, дружище! Ну, давай разбивать бивак, – перебил самого себя Веткин и по-хозяйски зажуужал змейками своей сумки.

Глава девятая. Альберт уходит от «хвоста»

Альберт заправился на южной оконечности Города, где по его давним наблюдениям, горячее было и качественнее, и дешевле. В охотку транжиря порой на разную безделицу тысячу – другую кровно заработанных рублей, он с ещё большим удовольствием и прилежанием экономил на разной ерунде какие-нибудь в лучшем случае десятки. Так уж большинство из нас устроено: нередко нормальный великодушный мужик вдруг впадает «при исполнении» в редкостную бережливость, граничащую с самой матёрой скупостью. Разумеется, скоро всё это у него проходит, и он вновь начинает сорить деньгами направо и налево, как истинный джентльмен. Но бывает, бывает и с джентльменами! Залив полный бак, журналист выехал на кольцевую, по которой стал клонить к Северу, попутно наблюдая в зеркало заднего обзора за дорогой: нет ли какого хвостишки, что с ним уже нередко случалось?.. Слишком много накануне он говорил и расспрашивал, и всё о Гриве да о Гриве, а там нынче беспокойно, а, прямо говоря, беспредел, который, как ни крути, опасен как для обеих ветвей власти, так и для силовиков, которые до сих пор на этот счёт – ни ухом, ни рылом. А тут он, главный разоблачитель чиновничьих слабостей и пороков, узкий специалист (сапёр!) в сфере коррупционных составляющих провинциальной жизни. «А что? – Спросил себя Альберт. – У нас, и в самом деле бытует совсем иная коррупция, чем в Москве и Питере. Да и в Ярославле даже, или там, в Нижнем, где и людей гораздо больше живёт, и заводы, ни в пример нашим, пыхтят себе всеми трубами как атмосферного, так и подземного пролегания, у коррупции тоже не провинциальное лицо. А всё просто, всё, как и прежде, по Марксу: у них высокая концентрация производительных сил, а у нас – нет. И если бы Маркс сегодня приехал в Россию, то он вслед за «Капиталом» написал бы не менее фундаментальный труд – «Коррупция». Поразмыслив так за ещё не совсем привычной баранкой «Фрилендера-2» (именно такую разновидность популярного английского внедорожника удалось по относительной дешёвке приобрести Альберту), он вдруг явственно почувствовал «хвоста». Следившие за ним явно меняли авто, но их выдавала одна и та же схема слежения: они ехали вдоль левой бровки полосы, впритирку со «встречкой» – видимо, с тем, чтобы иметь достаточный угол обзора. Ранее Альберт с такой манерой «сопровождения» сталкивался, и не раз, а потому теперь решил пресечь это дело на корню, поскольку хотя бы километров сто намеревался проехать в полном одиночестве, когда ничто и никто не мешает всё хорошенько обдумать и спланировать. Дальше, ясное дело, «наружка» опять упадёт ему на хвост, будь она хоть ФСБэшной, хоть губернаторской, а хоть и бандитской. У последних, в смысле бандитов, на Гриве тоже есть свой крупный материальный интерес! «Наружка» примерно в ста километрах от Города шла за ним на ... «девятке». Видимо, филёры страховались от подозрительного однообразия: всё иномарки да иномарки типа «Фокусов» и «Лачетти», а тут бац – старенький «жигуль», на котором, как правило, ездят глубокие пенсионеры и ветераны, которые не взыскательны от природы и экономят чаще всего на помощь своим безалаберным детям и внукам. Словом, надо было попытаться сделать отрыв на ровном скоростном шоссе, и Альберт попытался это сделать. Убедившись, что въехал в неконтролируемый гаишными фиксаторами отрезок, он резко ударил по газам, и стал заметно удаляться от преследующей его «девятки», но та через пару километров весьма коротко справилась с отставанием. И Альберт, следя по спидометру и видеофиксатору, чётко определил, что «жигуль» летел по трассе под сто восемьдесят. Не иначе, форсированный движок, – решил Альберт. Дорога, между тем, становилась всё проблемней, и «делать» по ней прежние полторы сотни стало не только нецелесообразно, но и опасно. Альберт убавил ход до ста десяти – так он обычно ездил по своим загородным делам – и стал раздумывать над вариантами отрыва по более хитрой схеме. Скоро он вспомнил про объезд через крупный свинокомплекс, повёртка на который должна была появиться буквально через пару километ-

ров. Он резко сбавил скорость до шестидесяти, и когда «девятка» почти настигла его, свернул по указателю. Не успевший среагировать на этот Альбертов маневр «хвост» стремглав пролетел мимо. Хорошо было ещё и то, что при въезде в лес повернувшая с основного шоссе дорога раздваивалась: одна вела к свинокомплексу, а вторая – в село Долгие Бороды и к областной психбольнице, с молодым главврачом которой Витькой Сорокиным Альберт водил тесную дружбу. «А что если к нему на утренний чай заехать? – Неожиданно спросил себя Альберт. – Заодно и этих, блин, хвостарей с толку собью. Тогда уж точно отвяжутся!» И он повернул свой внедорожник на мощёную булыжником ветку на Бороды. И за все семь лесных километров до «психушки» он не увидел в зеркало заднего вида ни одного транспортного средства. Разве что лениво выехал с лесной просеки охотник на квадроцикле, но повернул не к селу, а назад, к шоссе. Это хуже, подумал Альберт, могут его остановить и спросить. Впрочем, попрошу у Витьки где-нибудь схорониться или сам догадаюсь по обстановке. Так и получилось. Альберт не стал парковаться возле парадных дверей, а объехал административное здание справа и приткнул машину за мрачноватым корпусом для сумасшедших эзков, в золотеющих кустах боярышника. Хоть Витька Сорокин и был своим в доску парнем, но Альберт всё же позвонил ему на сотовый. Витька сказал, что у него через пять минут утренняя летучка, но что дело это спорное, и он уже ставит чайник.

– Очень хорошо, что ты заехал. Знаешь, тут одного профессора привезли с обострившейся шизою. Я тебя с ним познакомлю. Ну, блин, говорит, как пишет. А пишет, как Бердяев, даже лучше. Как этот, как его... Самуил Франк. Точно!

– Он, что, тоже еврей? – Зачем-то попытался уточнить Альберт.

– Ну, конечно же, Альберт. Чему тут удивляться? Филологи, философы, филателисты – вообще все феномены у нас через одного еврей, как в армии прапора – через одного хохлы. Без евреев, друг мой, в России было бы очень скучно!

– А без немцев? – Не унимался Альберт.

– После того, как из России в четырнадцатом году выперли всех немецких фабрикантов, а в восемнадцатом расстреляли нашу царско – немецкую династию, в стране окончательно не стало порядка. А это, друг мой немец, ещё хуже. Ну, ты давай, поторапливайся. Я – на планёрке, а ты пока пей чай с пряниками. Альберт так и сделал. Секретарша главврача полногрудая Наташа включила телевизор, где по «России-24» начинались «Новости». Из них не без злорадного чувства (к своему стыду!) Альберт узнал, что у американцев взорвалась очередная ракета, а наша, наоборот, пролетев восемь тысяч километров, поразила какой-то сарай на Дальневосточном полигоне со странным для Камчатки названием Кура. («С грузинами вроде бы замирились?» – удивлялся про себя Альберт). С нескрываемой гордостью вызывающе ухоженный телеколлега сообщил, что она, ракета, запросто может преодолеть и двенадцать тысяч вёрст, видимо, намекая худо-бедно знающим географию и умеющим считать на Вашингтон и Чикаго. Когда Альберт в охотку допивал вторую чашку чаю, в приёмную, шумно обсуждая что-то, из кабинета Главного стали выходить врачи. Некоторые кивали Альберту, как старому знакомому, поскольку не раз видели его со своим молодым честолюбивым патроном. При этом заместитель по медчасти Валечка, которая не раз снабжала Альберта редкими препаратами от бессонницы, так хитро подмигивала журналисту, что он ради её чудесных зелёных глаз готов был тут же забыть и про Гриву, и про «хвост» на дороге, и даже про несчастных старушек из Гробовщины. Но тут из-за двери с табличкой «Сорокин Виктор Павлович» появился сам Витька, и Валечка поспешно юркнула в свой кабинет, который находился в аккурат напротив. Лихо произведя прямо из прохода приглашающий жест, Витька коротко бросил секретарше:

– Кофейку нам, Наталья, сооруди. Ты, как, – обратился он к журналисту, – чёрный или со сливками?

– С ними, – переходя на игривый Витькин лад, ответил Альберт и решительно поднялся с удобного кресла. Рука у Витьки была, как всегда, крепче стали. Студентом он подрабаты-

вал медбратом в самой крутой Питерской психушке, где всех санитаров, работавших с буйными, специально подкачивали и даже подкармливали анаболиками. Там Витька и накачался как Шварценеггер. Вот и сейчас первое, что бросилось в глаза Альберту, был тренажёр на становую силу и бицепсы. Рядом с начальственным столом покоились неизменные десятикилограммовые гантели, возле стены – огромная чёрная гиря, а над столом – портрет Достоевского, которому Витька в своей дипломной работе поставил точный диагноз: «Здоров!». Альберт пытался с ним на этот счёт спорить, но безуспешно.

– Значит, опять на мокруху едешь, журналюга? – Спросил заговорщицки психиатр.

– Пока только на пожарища, – почему-то поосторожничал Альберт.

– Так я тебе и поверил, – не поверил Витька. – А «хвоста» к тебе тогда зачем приставили. Пожарища... Поджоги скажи, ёлы-палы! И когда тебе это всё надоест? Женился бы поскорее, может, хоть баба тебя уймёт. Опять же, дети пойдут. По себе знаю: это как-то осаживает, успокаивает. У меня конина хорошая в сейфе, да тебе в дорогу. Жаль. Так редко стали видетсья. Слушай, давай, как приедешь, ко мне в деревню махнём на твоём новом «Лэнд Ровере»? Картошечку пороем, конинку мою раздавим, мерёжи в заливе поставим. У меня, брат, такая копилка дивная появилась, килограммов на пять!

– Да, мы столько и не наловим? – С сомнением проговорил Альберт.

– Да брось ты! Я в прошлый уик-энд целый пуд из сетки вынул! Лещ, щука и даже судачок небольшой попался. И накопил, и нажарил, и уху два дня всей семьёй хавали (у Витьки было двое близнецов-пятилеток).

– Когда он ещё выдастся этот уик-энд? – Тяжело вздохнул Альберт. – Не люблю незаконченных дел. Недели через две – не раньше.

– Замётано, Алик! – С энтузиазмом согласился Витька и тут же перевёл разговор в плоскость ЧС:

– Слушай, а давай сейчас этих наблюдателей накроем? Выедем им навстречу, остановим, скрутим, а в случае чего – ко мне на нары! Санитаров я предупрежу. Вдуем им аминазина по шприцу, и езжай ты себе спокойненько. До завтра они не очухаются. А потом я им дурочку прокручу и выкину их на хрен за ворота. Делов – то!

– Спасибо, Вить, но купоросить их стрёмно. Вдруг это губернаторские парни? Новый губер у нас какой-то мутный, то ли из ФСБ, то ли из ГРУ. Нет, не стоит оно того. Я и так оторвусь. А там, знаешь, глушь, безлюдье, каждого человечка, не то что машину, за версту слышно. Нет, они мне не страшны. Просто надоели, блин, висят на хвосте как «мессершмидты».

– Ну ладно, тебе видней, – сказал, томно напрягая мускулы Витька. – Слушай, а давай я тебе коньяк-то с собой положу, а через пару дней у меня другой появится, и я так думаю, что не одна бутылка. На это Альберт совершенно не нашёлся чем возразить. И тут же пузатая бутылка тёмного стекла перекочевала из зелёного сейфа во внутренний карман Альбертовой куртки.

– Ну, знаешь, тогда и ты прими от меня скромный презент. И с этими словами он написал другу свою только что вышедшую книгу рассказов «Забутые Богом...». На этом и расстались до очень скорого свидания. Эх, знал бы Альберт, сколь тернист и опасен этот их путь к встрече!

Глава десятая. Уха в районной гостинице

Заиграево забрезжило на пригорке уже ближе к сумеркам. Альберт однажды накрепко запомнил, что райцентр стоит ровно на ребре гряды, которая проходит по северу области на сотни километров и теряется где-то в таёжных гущах востока Европы. На хвост ему, слава Богу, больше никто не сел или он попросту этого не заметил. Во всяком случае, нервы его дремали, а желания, наоборот, стали напоминать о себе всё настойчивей. Ему, например, прежде всего, захотелось принять тёплый душ и выпить рюмку-другую водки. На этот приятный случай он прихватил с собой баночку солёных валуёв собственного изготовления и шмат венгерского шпига. Да и чайку крепкого не помешало бы, а то испил он в дороге какого-то фальшивого кофе – так что уже часа три его крепко мутило и если бы не увлечённость дорогой, то верно он бы сходил до кустов освободить желудок от этих придорожных помоев. «Если Проектор в номере, то приглашу и его, – размышлял Альберт. – А если устрелял куда-нибудь, то обойдусь и один. Пожалуй, одному даже лучше. Телек посмотрю или почитаю, а то и напишу. Стих интересный в дороге привязался, про старушку эту, которую мы в горах кормили. Странная она такая, живёт всё время одна, а одиночества в ней ни на грош. Помнится, когда я её спросил об этом, она даже удивилась: „Какое может быть с Богом одиночество? Ты разве не видишь, что он здесь совсем рядом, вон над той скалой за облаком, видишь?“. И, кажется, Альберт даже уловил какие-то характерные серебряные очертания. Впрочем, на высоте более трёх километров могло и пригрезиться. И как она там всё время живёт в разреженном воздухе? Вроде, русская, на стенах иконы, но на столе – Коран. Иногда крестится на угол, но про Шамиля говорит, как про своего сына. Впрочем, и их нынешний президент когда-то воевал с нами. Эх, Ельцин, Ельцин, что ты натворил, горький пьяница! Сколько правильных пацанов из-за твоей глупой спеси полегло и с той, и с другой стороны! И песня эта, которую мне пленные чеченцы пели, всё вертится в башке: „Шамиль ведёт отряд!“. И в Донецке иные из них сейчас за русских воюют. Да, и Ельцин двояк. Демократичней его не было, нет и не будет. И журналистам уже не жить так, как при нём. Увы, всё в этом мире переменчиво и зыбко!» – Уже вслух досадливо охнул Альберт и ловко подрулил к гостинице. Здесь на вахте он узнал, что Семён недавно вернулся от какого-то местного милицейского чина и попросил его пока не тревожить. Видно, сидит что-то обдумывает. Получив ключи от номера и поднявшись на второй этаж, Альберт хищно втянул голодными ноздрями излюбленный им запах свежей ухи. Однако, подумал он, не иначе кто-то готовит прямо в номере. Интересно, из чего? Вроде, речной рыбой тянет, причём, недавно выловленной. Раз так, то и мы что-нибудь спроворим в скороварке. Альберт и в самом деле взял в командировку миниатюрную немецкую скороварку, которую ему подарили в мэрии, после того, как он хитро воспел велопробег в соседнюю область, в котором участвовал сам стопятидесятикиллограммовый городской глава.

В номере было вполне уютно. Правда, телевизор стоял старого образца, а на шторах имелся видимый глазу налёт пыли, но в остальном всё вполне соответствовало статусу гостиничного полу-люкса районного городка. Шкаф, тумбочка, антресоли и кровать тёмной полировки, на стене целых две экспозиции: на одной – красивая осенняя опушка в духе Левитана, а на другой – лесная же река в духе Шишкина. Был тут и штекер под Интернет, и двойная розетка, и приятный коврик на ламинатном полу. Подушек – целых две, а от идеально выглаженного белья пахло дорогим порошком и даже каким-то консервативным ароматизатором, что Альберта поразило особенно, потому что его прежние обонятельные опыты на периферии ограничивались либо душераздирающим амбре цветочного одеколona, либо антимолю, а то и вообще каким-нибудь суровым клопомором типа «Корбофоса» или «Дустина». Альберт разобрал сумку и разложил её содержимое по полкам шкафа и ванной комнаты, а ветровку и выходные брюки пристроил на плечики. Обычно он ограничивался в командировках джин-

сами, но на сей раз почему-то захватил и отглаженные шерстяные штаны, хоть и погода стояла почти летняя. Вспомнив про запах рыбы, он вышел в коридор, где вскоре нашёл дверь в номер Проектора. Приложив нос к косяку, тут же понял, что уха сварена именно за этой дверью. В следующее мгновение он уже барабанил в эту дверь костяшками пальцев, а когда в проёме появился несколько заспанный Семён, протянул ему руку и сказал:

– Да, ты никак с удачной рыбалки, дружище?

– Пожалуйста, проходи Альберт. Я тут уху поставил, но по ходу задремал. Не привык я к здешним дозам да ещё первача. И голова трещит, и желудок хоть узлом завязывай! – Вид у капитана был, и в самом деле, жалковатый.

– Мы это дело сейчас исправим, – подбадривающе похлопывая пересмякшего Семёна по спине, решительным голосом сказал куда более опытный в этих делах Альберт. – Ты вот что. Пока разливай уху, а я сейчас принесу снадобья от твоей хвори. Буквально через пару минут он вернулся в Семёнов номер с запотевшей плоской бутылочкой и плоской плавающих в сметане груздей. Семён в это время как раз закончил с ухой и раскладывал сочные жёлтые пласты домашней булки.

– Ну, вот и славненько! – Аккуратно разливая разбавленный ректификат по гостиничным стаканам, с чувством сказал Альберт. – Как говаривал мудрый Воланд, имеющий в таком деле тысячелетний опыт, «надо лечить подобное подобным»! Будем, Семён. За успех нашего с тобой безнадежного дела! Оба невольно крякнули и, проглотив по груздю, принялись сосредоточенно хлебать густую, засыпанную сверху зеленью уху. Через несколько минут лицо Семёна несколько разгладилось, а недавняя гримаса страдания уступила место рассеянной улыбке и с трудом скрываемому желанию чем-то поделиться.

– Ну, давай, не тяни! – Подбодрил его журналист. Считай, что это твоё первое интервью на Гриве.

– А ты здесь уже брал их, интервью эти? – Полюбопытствовал капитан у разливавшего остатки Альберта.

– Было дело, хотя, знаешь, интервью – это не моё. В молодости – ещё куда ни шло, а с опытом хочется писать что-то посерьёзней. Нет, я использую элементы интервью в своих расследованиях, очерках, в аналитике и прочем. Но в чистом виде мне этот жанр не интересен. Считай, что наша с тобой беседа – это начало крупного материала о криминальной Гриве. Анонимность я гарантирую стопроцентно, если ты, конечно, сам не захочешь стать героем повествования...

– Нет, героем не хочу, а сослаться на меня – валяй. Я не боюсь! – Обречённо махнул рукой Семён. – Тем более, сам знаешь, если кому-то очень захочется, тот наверняка узнает. Это нетрудно. В управлении нашем трудятся сотни, а потому на каждый роток...

– Не накинешь платок, – завершил журналист капитанскую сентенцию. – Так-то оно так, но самому лучше не выпячиваться, не лезть на рожон. Ты человек служивый, тебя послало начальство и, как говорится, ничего личного. Пойми ты, Сёма, твоя контора... как бы это помягче сказать, чтоб не обидеть?

– Несколько прогнила – хочешь сказать? – Попытался быть невозмутимым капитан полиции.

– В том-то, брат, и дело, что не несколько, а очень даже. А про прокуратуру, которая тут уже побывала, и говорить нечего. Про ФСБ не знаю, у них несколько иная специфика, но они всегда стараются держаться над схваткой, замараться, блин, брезгуют. – Альберт кивнул на налитый до половины стакан. – Давай ещё по маленькой – и к делу! Доев упругие ароматные груздки и дохлебав остывшую, но от этого не менее вкусную уху, коллеги принялись за чай с лимоном и домашним кексом, попутно тыча пальцами в подробную карту Гривы, которую каким-то хитрым образом полицейскому удалось уже раздобыть в Заиграеве.

Глава одиннадцатая. Итак, что мы имеем?

Спросил Альберт у окончательно пришедшего в себя капитана после размышлений над картой, только что обретшей на своей однородной поверхности несколько ярких кружочков.

– На сегодня мы имеем, по крайней мере, четыре деревни, в коих заживо, (может, и не все, правда, заживо) сгорели в своих домах хозяйки вместе с курами и иной домашней живностью. – Попытался подвести итог Проектор. – Три деревеньки у нас и одна в соседней области. Впрочем, тоже на Гриве.

– Не совсем так, Семён, – вежливо возразил Альберт. – Доказательств у меня пока нет, поскольку прокурорские следы куда-то спешили и совершенно не обследовали окрестные подлески. Но, сдаётся мне, что ни куры, ни кролики (у самой молодой они имелись) в огне не погибли, а были съедены где-то неподалёку. Понимаешь, дружище, возгорания происходили не в один день, а в течение недели, а, может, и дольше. В течение девяти дней, я полагаю. Всё это время поджигатели, а они там наверняка были, чем-то питались. Думаю, что как раз этой изловленной на подворьях живностью. Иначе, скажи на милость, чего ради они на этих старух напали? Пенсии, имущество, скотинка, какая ни есть. Не станут деревенские громалы, если они, повторяю, там были, бессмысленно сжигать доступное для них мясо. На то, чтобы убить и ощипать курицу, у умелого мужика уйдёт едва ли больше десяти – пятнадцати минут. И всё: бери и жарь два кило мяса! Не сложнее и с кроликом. Его легонько бьют палкой по носу – и он готов...

– А что нам это даёт: сгорели кролики – не сгорели, съели кур – не съели? – С искренним недоумением спросил криминальный полицейский.

– Ну, во-первых, если увидим, что их съели, то, стало быть, налицо поджог. – Стал приводить свои доводы редактор отдела исследований. Во-вторых, костей должно быть довольно много, и они соответственно чётко обозначат нам границы стоянки, а, может быть, и наблюдательного пункта этих возможных поджигателей. А на стоянке всегда можно найти ещё что-нибудь интересное, прямо или косвенно указывающее на персоны преступников. В-третьих, на костях наверняка остались пальчики. Кстати, ты захватил тальк для их снятия?

– Захватил, – угрюмо отвечал Семён. – Только много времени прошло. Думаю, что дождями всё на хрен смыло.

– Не факт, – возразил журналист. – Кости в жире, а он плохо смывается. Разве что под давлением. Ладно, будем на месте – посмотрим. Вот, я тебе три пункта обозначил, а есть ещё четвёртый и пятый...

– Ну, убедил, убедил, Альберт. – Сдался капитан, причем, добавив при этом, что опытный начальник местного УГРО майор Веткин считает, что на деревни напали не местные, а гастролёры и, вполне возможно, что и не деревенские, а по наколке из Города. Что-то конкретное искали и все эти курицы им наверняка были по фигуре.

– Конечно искали. Так обычно и ведут расследование к его полному завершению. Наверное, колчаковский клад или золото партии. Я не Юлиан Семёнов, и меня все эти мифологемы нисколько не интересуют. – Резко отрубил Альберт. – Я тебе, капитан, как профессиональный филолог и историк говорю, что мифы – это очень серьёзный пласт нашей культуры и вообще мировоззрения, но сыск и криминалистика лежат в совершенно иной плоскости. И они, друг ты мой, если ты настоящий, честный сыскарь, в работе твоей не должны пересекаться. Никогда! Вот если из библиотечного хранилища тиснут какие-нибудь первоисточники с мифологическим содержанием – тогда другое дело, а иначе и блажить нечего. Но с Веткиным ты меня познакомь обязательно. Что он там ещё интересного говорил? – Альберт выжидательно замолчал и сделал заинтересованное лицо.

– Знаешь, Альберт, это, наверное, к делу не относится, но больше всего меня поразили его рассказы про здешний пруд и лесные озёра. – Лицо Семёна пошло розовыми пятнами, очевидными признаками сильного душевного волнения.

– Не относится, говоришь? Как знать, как знать. Слушай, капитан, а тебе, я полагаю, надо срочно менять профессию. Пока ещё не поздно. – На губах Альберта играла поощряющая улыбка. Ему очень нравились увлекающиеся люди, с которыми он, как правило, по жизни был на одной стороне баррикады.

– Надо сперва до полкана дослужиться, чтобы пенсии побольше платили, а потом можно и на вольные хлеба... хотя бы эту самую Гриву изучать. Так вот, здешний пруд, оказывается, и не пруд вовсе, а древнее озеро, о котором ещё в средневековых летописях упоминали. И вообще оно, по мнению Веткина, вулканического происхождения. Глубокое, дьявол, до тридцати метров, а может, и глубже. А озёра, что тут в лесах, неподалёку, те вообще бездонные, и рыба в них какая-то особая: сомы как угри, с небольшими головами, а щуки – те вообще как свиньи, короткие и тупорылые. То ли вода в них особая, то ли излучение какое со дна сифонит. Тут один курган бульдозером задела, так там сразу шесть грунтовых пластов вылезло, в том числе и с вулканическим пеплом. Веткин говорит, что Гриву эту без столичных учёных нам ни в жисть не понять.

– Вот, смотри по карте. – Ткнул пальцем в сторону стола Альберт. – Видишь, от Гривовщины в аккурат до одного из твоих бездонных озёр чуть больше версты будет. В нём хоть купаются?

– Нет. Вода там ледяная. Холоднее, чем в Байкале. И ни тебе бухт, ни заливов, сразу обрыв и глубина. – Отрицательно завертел головой Семён. А ещё Веткин говорил, что местный прокурор Тремайло ждёт скорого назначения в Город...

– Вот, блин, карьеристы проклятые! – Воскликнул расстроено Альберт. – Нигде от них покою нет, даже в этой глуши. И знаешь, никакой пользы делу от их карьеризма, только портят всё своей трусостью и пофигизмом. Везде их, конечно, хватает, но в силовых структурах – явный перебор. Что, не так, Семён?

– Ну, вот Веткин, вроде, не из них. Ещё я на озере познакомился с отцом Серафимом, с заместителем главы по социалке Соколовской, с директором Дома культуры Ягодкиной, с лесничим Корятовым, с местным авторитетом, мастером по боксу Ильёй Покрасом и с некоторыми иными добрыми людьми.

– А с прокурором познакомиться не догадался? – С надеждой спросил Альберт.

– Да, не было его на озере. Не ходит он туда. Видно, опасается этого общения перед своим повышением, – почти виноватым голосом отвечал Семён.

– А что, рыбы здесь, видно, много, раз у тебя, приезжего горожанина, такая уха? – Заинтересовался прихвативший из Города снасти Альберт.

– Да, не то чтобы много... клевало так себе, не шибко – не валко. Мы с Веткиным выдержали по паре окуньков да трёх плотвичек на двоих, а тут вдруг у Корятова сомяра клюнул, да какой! Всем гуртом его тащили целых полчаса! Никогда бы не подумал, что в здешней луже, возле которой я, кстати, по приезде дерьмом измазался, могут водиться такие монстры. Представляешь, топором его убивали?! Без малого на два пуда потянул. Ну, Корятову, понятное дело, столько одному не съесть. Он и давай всем отрезать. Вот и мне пара килограммов перепала, мякоти.

– То-то я смотрю, пахнет рыбой, а на вид больше на курятину смахивает! – Подивился вчерашнему улову Альберт. – Ладно, ты меня заинтриговал. Сходим и мы за своим сомом. Вот в тайге пошоркаемся и сходим...

Глава двенадцатая. Кто прав: прокурор или пожарный?

Признаться, протоколы осмотра и материалы расследования, имеющиеся в прокуратуре и местном РОВД, не дали ни капитану, ни журналисту ровным счётом ничего полезного. Напротив, они внесли в стройный ход Альбертовых мыслей разброд и сумятицу. Так, из протоколов, составленных пожарными, вроде бы следовало, что налицо явные поджоги, а опросы местных жителей, запротокколированные следственным отделом, напротив, ничего сколько-нибудь криминального не только не предполагали, но однозначно отрицали. Две бабушки из Грбовщины утверждали, что видели, как пламя пришло из сосняка и, подхваченное вдруг поднявшимся шквалистым ветром, хищно накинлось сразу на самый крайний дом. Старик из другой деревни, носящей тоже очень странное название – Незасыпайка, рассказал о том, что той августовской ночью ему упорно не спалось, несмотря ни на стакан браги, ни на таблетки, а потому где-то около четырёх утра он услышал на краю деревни, возле леса, пронзительные женские крики. Поскольку было ещё темно, никаких людей возле крайней избы, даже если бы они там и находились, он не увидел, но голос узнал наверняка. Кричала хозяйка избы восьмидесятилетняя Марья Никулина. Идти по темени к лесу старик побоялся. Но буквально через пятнадцать минут всё окрест осветилось всполохом большого пожара. Изба занялась так быстро, как будто на неё вылили пару ведер бензина. Вместе с соседками он подбежал к пылавшей избе, но было уже поздно. Ещё через минуту-другую рухнул конёк, а от пожарища явно пахло горелой плотью. Почему кричала Никулина, он точно не знает, но предполагает, что сошла с ума от горя и одиночества. В июле в Городе в автомобильной катастрофе погибла её единственная дочь. Незамужняя и бездетная, она всю жизнь учительствовала, а потому приезжала в Незасыпайку к одинокой же матери почти на всё лето. Свихнулась, не перенесла внезапной утраты, и подошла свою избу, считает свидетель, а выйти наружу, может, не успела, а, может, и не захотела. А через сутки в Незасыпайке сгорел ещё один дом, девяностолетней Дарьи Самолётовой. Это случилось в сильную грозу, вечером, когда, как утверждает гостивший у соседей младший школьник из райцентра, по деревенской улице летали шаровые молнии. По всей видимости, одна из них и запалила крытую тёсом пристройку. Но глухая хозяйка (все в деревне её так и звали – Дарья Глухая) этого не услышала, а продолжала хорониться от грозы за печкой. Здесь на топчане и был найден её обгоревший труп. Читая другие протоколы, Альберт также нигде не нашёл ни слова о насильственной смерти и каких-то там простынях, которыми, по словам Линдмарка, якобы привязывали старух. Посоветовавшись, командировочные решили разделить: Семён направится к пожарным, а Альберт – в следственный отдел.

– Тихариться не имеет смысла, – заключил журналист. – Тебя срисовали ещё возле озера, а про меня наверняка стукнули из Города, раз наружку приставили. Поэтому составляем общую картину – и в дорогу. Чую я, нам тут только мешать станут и с толку сбивать. И потом, если я прочту ещё пару таких протоколов, то отправлюсь бить морды всем этим местным сыщикам, мать их...

– Наша задача, Альберт, ещё раз сверить показания следователей и пожарных. Для начала хотя бы точки зрения этих двух уважаемых контор. – С иронией в голосе заключил Семён.

– Да, точки зрения у них могут быть разными. Прокурора Тремайло вот-вот в Город заберут, на повышение, а командира пожарных расчётов Густомесова за мордобой при исполнении отправят на пенсию. – Выразил своё компетентное мнение Альберт.

– Вот, пока не отправили, я его и навещу, – заторопился капитан. – Если не в отъезде, конечно.

– А куда ему нынче ехать? – Подбодрил полицейского журналист. – Ещё наездится на пенсии-то. Вот прокурора повидать проблемнее будет! Он сейчас таких, как я, за версту обходит: как бы чего не вышло! И вообще, прокуроры, Семён, это люди особого свойства. Помнишь, Собакевич у Гоголя в «Ревизоре» своего уездного, ну, то есть районного, прокурора как охарактеризовал?

– По-свински как-то. Собакевич, помнится, ни о ком слова доброго не молвил, но гадать не стану, а точно не знаю. – На лице капитана появилась виноватая улыбка – дескать, чего с мента возьмёшь?

– Да всё ты помнишь, Семён. Именно, что по-свински. Он сказал, что один в Городе и есть хороший человек. Это прокурор, но и тот, если разобраться, свинья. Вот я и попробую разобраться при помощи составленных его подопечными протоколов. Разрешите идти, товарищ капитан?

– Разрешаю, товарищ капитан! – На полном серьёзе ответил Семён и, идеально выполнив команду «кругом!», направился к двери.

Глава тринадцатая. Пожарный считает, что это убийства с особой жестокостью

Начальник местной пожарной охраны майор внутренней службы Густомесов встретил Проектора в своём наполовину заваленном вверенным имуществом кабинете. И чего тут только не было! Горы противопожарных сумок, огнетушители, какие-то пропылённые пенопластовые стенды, медицинские аптечки и даже сигнальные ракетницы! Обведя блуждающим взглядом всю эту разбросанную в беспорядке амуницию, Семён озадаченно почесал в затылке.

– Вот, сдаю дела! – Ловко зацепив одной рукой тяжёлый огнетушитель, тяжело выдохнул седовласый пожарный. – Нехай, теперь молодёжь по нашей тайге болтаётся... Ей это сподручней, а мне уже давно на шестой десяток поперло, пора и о здоровье своём подумать, не так ли, капитан?

– Старший инспектор УГРО Семён Проектор, – представился капитан. – Извините, Сергей Иванович, что не позвонил предварительно. Так уж вышло. Да, и связь сотовая у вас тут что-то барахлит, а на гостиничном телефоне какой-то ара сидел. Знаете, они коротко не умеют. Вот я и решил, что скорее так вас разыщу.

– Да, не оправдывайся, капитан. Пустое... Ты, я полагаю, по этим пожарам в Гробовщине, Гуляевке и Незасыпайке? – Сразу взял быка за рога Густомесов.

– По ним. Да, ещё там одна деревенька из соседней области под этот замес попала. Вы туда не выезжали? – Сделал заинтересованный вид Семён, хотя читал густомесовские протоколы и по ней.

– Как же? Конечно, выезжали. Нам туда втрое ближе, чем ихним пожарным. – Хитро глянув на капитана, отвечал пожарный. – Они потом, конечно, тоже появились, но мы уж к тому времени в Заиграеве были.

– Сергей Иванович, что вы обо всём этом думаете? Ну, если бы там одна изба сгорела, я понимаю, но семь штук, да с хозяйками, – это чересчур! Ну ладно бы, обложные лесные пожары, как в прошлом году, а тут разве что в Гробовщине, говорят, из лесу пожар пришёл, а в остальных трёх – пока не понятно.

– А что тут непонятного? – Решительно возразил Густомесов. – Думаешь, за что меня на пенсию выпирают? За то, что против ветра писаю! Извини, но это я тебе так, для прояснения ситуации. Там, у себя в Городе, об этом не говори, а то меня здесь со свету сживут. Не думай, я не трушу. Просто, сын у меня в Городе, в ФСБ служит, а дочка – инспектором по делам несовершеннолетних.

– Да, знаю я её. – Радостно воскликнул Семён. – Анна Густомесова. Хорошенькая такая! Она, по-моему, замуж собралась, за капитана из ГИБДД.

– Точно! – С довольным видом подтвердил Густомесов. – Они уж у меня и дозволения спрашивали этим летом, и на квартиру она к нему переехала. А что тянуть, верно? Дело молодое. Сам помню, как со своей в общаге урывками встречались. Разве это дело, так вот, боясь да оглядываясь, совместную жизнь начинать? Весь интим можно нарушить...

– Совершенно с вами согласен, Сергей Иванович. По-моему, вы станете очень хорошим дедом! – Отвечал в унисон капитан.

– Уже стал, Семён... как по батюшке-то? – Вопросительно прищурился Густомесов.

– Борисович, – неохотно ответил Семён, – но зовите просто Семёном. А внука вам, видно, сын подарил?

– В прошлом году ещё. – Расплывшись от удовольствия, сказал майор. – В честь моего отца Иваном назвали. Он ещё жив. Сейчас в аккурат недалеко от Гробовщины живёт, на берегу Нежданного озера. Я там домик поставил, разбил сад, огород, курятник пристроил, развёл

пасеку, завёл коровку, полдюжины овечек, а в озере плавают гуси и утки – в общем, крестьянствуем с батей, хоть он и слаб уже. Ну, и жена с сеструхой помогают. Да, ты там наверняка будешь. Я тебе медку сотового накладу, яичек возьмёшь деревенских, они не в пример покупным – и крупнее вдвое и желток имеют ярче, сочнее... Вот сейчас дела сдам и сам туда подамся. Да, совсем я от дела нашего отвлёкся. Извиняюсь, Семён Борисыч!

– Нормально всё. Любая информация мне на пользу. – Успокоил Густомесова Семён. – И от мёда я не откажусь, сызмальства люблю. А у вас цветочный, наверное? Жёлтый такой...

– И луговой есть, и тёмный из гречихи, и, конечно, белёсый, из липового цветку. Так вот, – майор попытался сосредоточиться. – Я в протоколах указал на это особо. Пожары в таёжных деревнях Гробовщина, Незасыпайка, Гуляевка и на хуторе Безносый соседней области – дело рук одних и тех же лиц. Сколько их, я не знаю, но, похоже, трое или даже больше. Видимо, они грабили одиноких старух, а потом огнём уничтожали все улики. Я с такой жестокостью сталкивался ещё в начале службы, в Западной Украине. Но там, как ты понимаешь, политика была. Западэнцы всегда живодёрами слыли, даже немцы им удивлялись. Про Хатынь, я полагаю, ты слышал. Но чтобы наши так зверствовали – причём, заметь, без всякой там политики, я встречаю впервые! Это, если хочешь, визитная карточка какой-то новой преступности, о которой мы почти что ничего не знаем. Видимо, её только-только вырастили, и она в наших краях впервые проклюнулась. Потому из Города, я думаю, и дали установку на природное происхождение: дескать, в прошлом году несколько деревень сгорело, и в этом Москва в то же самое поверит... Им так выгоднее: и хлопот меньше, и ответственности, считай, никакой. Старикам из той же Гробовщины уже предлагали в Дом престарелых переселиться, а они – ни в какую! Ну, значит, сами виноваты. Чиновники о них, так сказать, беспокоятся, а они, упрямые, этого понять не желают. Очень удобная позиция.

– Сергей Иваныч, а остатков простыней или там штор каких, вы у них на руках не видели? – С надеждой спросил Семён.

– Знаешь, трупы очень сильно обгорели, поскольку все избы сгорели практически дотла, но у одной бабки характерные полоски на запястьях я видел. Это в соседней области, на хуторе. И возле щиколоток – то же самое. Она, видишь ли, барыня такая, в кирпичном доме жила, а он выгорел лишь изнутри, то есть такого жара, как в Гробовщине, там не было. – Густомесов задумчиво посмотрел на улицу, на которой буксовал «Газ-53» с уже наколотыми дровами.

– Ветеранам везут, – кивнул на дрова пожарный и добавил к сказанному выше. – Конечно, надо было экспертизу тщательную провести, а они смерть от удушья поставили и быстрее зарывать. Как же, раз начальство приказало. Ради очередной звёздочки, бл..., прости Господи, не то, что таёжных старух, мать родную закопают! Словом, тебе надо туда самому съездить, с людьми поговорить, по лесу окрестному погулять... Людей там, конечно, немного и говорить, боюсь, они ничего определённого не станут, но попытайся. Старухи изрядно напуганы и, если им пообещать конфиденциальность, а главное – что область берёт это дело под особый контроль и обязательно доведёт всё до конца, то чем чёрт не шутит. Они доверчивы, как дети! Может, и прокатит?

Глава четырнадцатая. Зам прокурора своего личного мнения не выразил

В прокуратуре, разместившейся в одном с полицией здании, прокурора Тремайло не оказалось. Хмурая неразговорчивая секретарша, всего раз недобро глянувшая на Альберта, сказала ему, что Борис Петрович «ныньше на больничном», что у него поднялась температура...

– А к заместителю можно? – Не стусевался журналист и положил на секретарский стол двухсотграммовую шоколадину. – Я буквально на пару минут...

– Артур Асланович через двадцать минут должен быть в администрации. – Хмуро отреагировала на просьбу журналиста невеселая женщина. – Поэтому у вас, и в самом деле, не больше пяти минут. Шоколадка за это время, как успел заметить Альберт, благополучно перекочевала в верхний ящик секретарского стола. Заместитель прокурора оказался молодым, кровь с молоком даргинцем. Он так старательно стиснул Альберту руку, что журналисту почему-то сразу поверилось, что этот пойдёт далеко.

– Артур Асланыч, знаю, что вы торопитесь к главе, – проворно усевшись за широкий уютный стол, почтительно начал разговор журналист, – а потому сразу – к делу. Редактор независимой областной газеты «Курьер» полковник милиции – полиции, да, это, впрочем, неважно, Александр Францевич Линдмарк направил меня в ваш район в связи с чередой странных пожаров в таёжных деревнях Гробовщина, Незасыпайка...

– Можете не продолжать, – авторитетно перебил зам прокурора Гараев. – Расследование по этим делам уже в принципе закончено. Предварительные результаты я только что отослал в Город. Тэпер будым ждать реакции из областного следственного управления.

– И какой, на ваш взгляд, она может быть? – Поинтересовался Альберт.

– Предполагать у нас, мягко говоря, нэ очень умэстно, а точнеа нэ коррэктно. Думаю, что на этот вопрос и прокурор вам нэ отвэтыт. Наши следователи, которые выезжали на мэста, выразыли уверенность, что эты возгоранья напоминают прошлогодные. Только если в прошлом году в краэ была объявлэна ЧС – чрезвычайная ситуация, то в этом очаги возгораний, лэсных пожаров носили более локальный характер. В одном случае набедокурили охотники на открытии утиной охоты: напились пьяными и забыли затушить костёр. Сами уцелэли, а бабушки в Гробовщине сгорэли. В другом, на окраине дэревни Гуляевка, мальчишки, измаившись от каникулярного бэзделья, стали печь ворованную картошку в полуразвалившемся сараэ, что и привэло, в конце концов, к пожару. В Незасыпайке два дома сгорэло по разным причинам: одын подожгла сама хозяйка по причине помутнения рассудка. У неё в Городе дочь погибла. А второй загорэлся от молнии. Там, кстати, на опушке сразу нэсколько сосен со следами этых самых молний стоят. Странное такое мэсто, наэлектризованное что ли? Когда я там на пригорок вышел, то у мэня даже кончики пальцев защипало, и волосы, не повэрите, дыбом поднялись и что-то защёлкало в них, словно при коротком замыкании. Ну, про хутор Безносый лучше бы у соседей спросыт из Н... го следственного управления. Но в прынципе, там та же причина, что и в Гробовщине. Там примерно такое же озеро поблизости. Ну, и охотники пьянствовали на открытии. Каждый год с ними беседы проводим, но они неисправимы. В прошлом году корову молочную по пьяни застрэлили, в позапрошлом двоэ по сто пятой сели, своего же товарища жизни лышили...

– По-моему не по сто пятой, а за причинение смерти по неосторожности, – не согласился с прокурорским капитаном Альберт.

– Вы читали дело? Очень хорошо! – Искренне обрадовался Гараев. – Сами представляете, что здэс за охотники такие! Нет, у нас на Кавказе, если оружие в руках, не пьют вовсэ, хоть и вина кругом залейся! Оружие – вещь сэрьёзная...

– Ну, оружие к разным людям в руки попадает, – не согласился Альберт. – На Кавказе, кстати, тоже. Я, простите покорно, знаю об этом не хуже вас, потому что по мне в вашем благословенном крае неоднократно стреляли. Кстати, вы про Гуляевку забыли, но время ваше выходит, а потому ещё пара коротких вопросов.

– Скажите, вот вы современный, не считите, пожалуйста, за фамильярность, вменяемый человек, и, как я осведомлён, квалифицированный юрист, верите в такие редкие совпадения? И весной, и летом – в тайге всё шло гладко, а тут в течение недели сразу почти десяток, заметьте, однотипных пожаров со смертями? Ведь не было в этом году, как вы заметили сами, в тайге ЧС, а людей сгорело больше, чем в прошлом, когда пылала вся область, даже к окраинам Города пожары подобрались, даже в Москве над Красной площадью всё небо дымом заволочло! – С заметным оттенком несогласия и даже негодования обратился к заместителю прокурора Альберт. – Ну, хоть на ушко мне шепните, а я со своей стороны обещаю об этом никому не говорить...

– Если честно, уважаемый Альберт, то у меня по этим делам нет определённого мнения. С одной стороны, Вы как будто правы, а с другой – Грива, в чём я не раз сам убеждался, край особенный, со своими секретами и тайнами. Вот Вы, судя по всему, воевали в Чечне или Дагестане, и, навёрно, ощутили, что там возможно такое, чего невозможно даже представить здесь, в России. Но Грива – это не совсэм Россия, это такой особенный островок, жить на котором можно лишь при условии соблюдения определённых правил или законов. Это как кому больше нравится. Я бы даже сказал не «жить», а «выживать». Вот Борис Петровича сейчас заберут в Город, мне бы радоваться да к его месту присматриваться, но я, если честно, боюсь. Только между нами, – соглашусь, навёрно, если пообещают через пару лэт в Город или в какой иной областной центр. Там, по крайней мере, всё ясно, без этой таёжной мистики. А тут порой даже самого себя понять не можешь, не то что какую-нибудь полусумасшедшую бабку из Грбовщины...

– И последнее, если можно, – попросил, привставая, Альберт. – Вот вы говорите «эти дела», а не дело. Стало быть, каждый пожар – это отдельный случай? Это я уже, так сказать, официально спрашиваю, возможно, для печати.

– Пока – так точно. Может, в будущем вскроются некие дополнительные факты, что здесь, на Гриве, неоднократно случалось в прошлом. Например, почти четыре года мы считали, что грибника Дубровина, отставного полковника, задрал и съел мэдведь, потому как в лесу никаких его следов найдено не было. Но этим летом болотные пузыри в трёх вэрстах отсюда подняли из топей остатки его рубахи и ботинок. Криминалисты прышли к выводу, что тело утопшего полностью разложилось, и метановый поток подхватил часть его высвободившейся одежды. При этих словах они пожали друг другу руки, и Альберт, хоть и не достиг своей цели, остался Гараевым вполне доволен. Тремайло же, даже по отзывам невзыскательных заиграевцев, был человеком вызывающе эгоистичным, а сотрудником весьма посредственным и безынициативным. Может, оно и к лучшему, решил Альберт, что я попал на его заместителя.

Глава пятнадцатая. Обед, после которого ничего не хочется...

– Пойдём – ка, брат, перекусим в кафе, – предложил Семёну Альберт, – а то после твоей ухи всё сухомятка да сухомятка. Так и до гастрита недалеко.

– Говорят, здесь в лесничестве неплохо кормят. – Поделился своей осведомлённостью полицейский. – Там у лесников своя ведомственная столовая, неподалёку от Заиграева, в посёлке Лесное. На выезде обратили внимание на огромный провал посреди улицы, из которого торчал зад красной «Нивы» с местными номерами. Ещё вчера его на этом месте не было.

– Нет, Грива, и в самом деле, место особенное! – Не без пафоса заметил Альберт. – Уж, казалось бы, местный водила, всю территорию вокруг, как свои пять пальцев, изучил, а вот на тебе, угодил в яму. И как его угораздило прямо под фонарём? Тут ведь даже ночью всё прекрасно просматривается!

– Да пьяный, наверное, ехал, к какой-нибудь зазнобе спешил. – Уверенно предположил Семён. – В деревне ведь всё так: пить ни хрена не умеют. Как выпьют, то плотник хватается за топор, охотник – за ружьё, ну, а водитель – за баранку.

– Стало быть, я, если бы здесь жил, схватился бы за компьютер? – Спросил шутливо Альберт.

– Не думаю, – отвечал Семён. – Скорее всего, ты бы или затопил баню, или бы стал звонить какой-нибудь знакомой кореянке. А, может быть, что вполне вероятно, пошёл бы на спортгородок или мутузить какую-нибудь боксёрскую грушу. А вообще, Альберт, хоть я и знаю, что ты не дурак выпить, но пьяным тебя просто не представляю. По-моему, ты не умеешь пьянеть...

– Ты просто не видел, потому что мне много надо, а потому я боюсь много принимать, уж больно утром с этого плохо бывает. – Сделав кислое лицо, признался Альберт. – Слушай, а про кореянку-майоршу ты откуда знаешь?

– Ты и в ментовке, и в следственном человек известный, да и Дина Кимовна тоже на виду. – Стал размышлять Семён. – Так что, можешь считать, что твоя тайная страсть известна уже в обеих конторах. Только в этом, Альберт, по-моему, нет ничего дурного, а даже наоборот. Ты холост, она тоже там, в своём Биробиджане, разведена. Поэтому...

– Надо же, – перебил приятеля журналист, – про её развод я ничего и не знал. А теперь вот думаю, что именно из-за этого она к нам и перебралась. Через всю страну! То ли крепко любила, то ли сильно ненавидела.

– Обычно, второе бывает следствием первого, – сказал Семён и указал через боковое стекло на броскую вывеску на другой стороне дороги – «Столовая на распутье». От неё перпендикулярно дороге из Заиграева уходило в гору шоссе в соседнюю область, к какому-то местечку Заусолье. О нём Альберт прочёл в местной газете «Лесные вести», что там до революции добывали поваренную соль и вялили на продажу речную рыбу, которой местные жители даже свиней кормили. И почему, – подумал в раздражении журналист, – всё по-настоящему дельное происходило у нас до революции? Не-е-е, Михалков хоть и чересчур властолюбив, конъюнктурен, но режиссёр всё-таки от Бога. Как это тонко, а главное – больно в «Солнечном ударе» про Россию подмечено: Когда же это всё началось? Как это всё с нами со всеми случилось? Но это, конечно, не солнечный удар, это какая-то инопланетная напасть, фанги, нелюди. На чём-то ведь вызрели эти варвары, эти убийцы людей, храмов, ремёсел и молитв... Можно, конечно, вернуть историческую память, но русскую крестьянскую цивилизацию уже не вернуть. Никогда! – И в сердце Альберта неожиданно заняла глубокая тысячелетняя тоска, которой он всегда жутко боялся, потому что понять её был абсолютно бессилён.

В столовой – о счастье! – на первое подавали либо борщ, либо гороховый суп со свиной, а на второе – говяжью печень с гречей при солёных огурцах и квашеной капусте. Стоило всё это – сущие пустяки, а потому приятели прихватили ещё и чаю с мёдом и домашней выпечкой. На обжорство ушло не менее получаса, после чего оба сидели на диване под фикусом и странно молчали. Обоим в эти минуты не хотелось больше ничего: ни пожаров, ни протоколов, ни деревень со странными названиями, ни старушек с редкими фамилиями. Альберт томно мечтал о возвращении на свой двуспальный диван в общество Дины, а Семён, казалось, чувствовал на своём колене мягкую попку своего трёхлетки Мишутки, а за столом под красным абажуром – изящный силуэт жены Лоры, склонившейся над вязанием. Первым опомнился более габаритный и привычный к чревоугодию журналист. Он призывно хлопнул полицейского по спине и пробормотал что-то глупо-хрестоматийное типа «Вставайте, граф, рассвет уже полощется», а, может, и про великие дела, которые ждут где-то впереди. После этого оба решительно встали и в раскачку двинулись к припаркованному автомобилю.

– По-моему, на Гриве, – поделился своими ощущениями Альберт, – средний лесоруб ест примерно вдвое, а то и втрое больше, чем средний журналист и где-то даже и мент.

– Ну и что? Это вполне объяснимо, – успокоил его Семён. – Ведь эти лесорубы вламывают на своих лесосеках как ссыльно-каторжные на Нерчинских рудниках.

– И когда это ты про декабристов успел прочитать, Семён, в своей школе милиции? Ну, я понимаю, что про Бенкендорфа или там... Ягоду с Ежовым. Эти хоть из ваших, а на Нерчинских рудниках даже полиции не было. Спросишь, почему? – спросил Альберт. – А потому, брат, что бежать оттуда было попросту некуда, как из Грбовщины... Кругом распадки и бурелом! Как хоть мы туда доедем, а?

– Ну, эти же, гады – поджигатели, как-то добрались, а ведь, судя по всему, тоже нездешние. – Попробовал привести веские доводы капитан. – И прокурорские туда ездили, и пожарные. Альберт, ты бы позвонил этому, как его, Гараеву...

– Лучше давай ты звони Густомесову. Он хоть молчать станет, а этот, скорее всего, сразу Тремайло стукнет, не из вредности, а по служебной необходимости. – Заключил Альберт и, моргнув левой фарой, тронулся в сторону гостиницы. В это время из-за леса приползла иссиня – чёрная туча, и по лобовому стеклу машины забарабанил весьма крупный дождик.

Глава шестнадцатая. Вот так «хвосты» и рубятся!

Примерно в версте от гостиницы Семён как-то нервно дёрнулся и, расстроенный, глухо сообщил Альберту:

– Алик, я не уверен на все сто, но, по-моему, к тебе на колесо опять наружка села. Посмотри в зеркальце внимательней. Видишь, «Логан» кремовый посередке чешет? Не эти тебя на шоссе пасли?

– Нет, не они. Те на «Ладе» были, но, похоже, ты прав. – Альберт сразу весь напрягся, но мысль закончил. – А сейчас проверим, это проще простого. И он сделал неожиданный поворот на грунтовку, в глухой проулок. Метров триста они проехали в полном одиночестве, но запоздало прореагировавший «Рено» всё же минут через пять появился таки в зеркале заднего вида. Видимо, страхуясь, сближаться он не стал, но прилип вполне определённо, даже не деля видя, что в Заиграеве у него какие-то свои, отнюдь не филёрские цели.

– А так ещё и лучше, – весело прокомментировал ситуацию журналист. – Пускай они за нами подольше по Заиграеву поездят, а когда всем нам станет всё предельно ясно, я их приторможу. Ты, Семён, при исполнении, ты расследуешь громкие убийства, и тебя при этом самом расследовании пасут неизвестные. В такой ситуации мы праве их, так сказать, спросить: «Кто вы, мать вашу, такие? Не иначе, бандиты!». Сечёшь, капитан?

– А если шмалять начнут? – С некоторым испугом спросил Семён.

– А мы в центре Заиграева их тормознём, прямо возле прокуратуры. – Хитро заулыбался журналист. – Не начнут, в центре города – расклад не тот. Особенно если это губернаторские порученцы или ФСБэшники. А бандитам пасти нас здесь никакого резону, они, если что, станут нас в тайге караулить, возле лесосек, с которых сосны на пилораму тягают. У них цель одна – любыми средствами отвести от своих лесорубов всякие подозрения в причастности к пожарам. Потому что весь их лесной бизнес стоит на подтасовках, взятках и разного рода иных нарушениях. Начнут здесь копать, вольно или невольно выйдут на лесников-взяточников, на незаконные прирезки лесного фонда, на грубые нарушения при самой заготовке. Они ведь при рубке ни хрена ничего не сажают и даже делянки за собой не убирают, так на них сучья и гниют. Их девиз известный: после нас хоть потоп! Поэтому этим наблюдателям, если они даже губернаторские, надо всё равно хлебозрезки начистить. Чтобы беспределу не потворствовали, людям здешним жить не мешали.

– Ладно, замётано! Чего ты меня агитируешь? Думаешь, если я не такая, как ты, оглобля, так сразу и соссал? Не дождёшься, брат. – Голос Семёна гулко зазвенел.

– Вот это по-нашему, по – спецназовски, а то Цусима, Цусима... – повеселел Альберт и негромко запел «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг». Ездили они по Заиграеву около часа, даже заправиться пришлось возле местного совхоза то ли «Восход», то ли «Рассвет». При этом двое в кожаных куртках из «Логана» вели себя сверхспокойно и даже тоже заправились – девятно вторым бензином. Это, с одной стороны, радовало, поскольку обычные бандиты, как правило, так себя не ведут, и, стало быть, стрельбы не будет. Но с другой, ничего хорошего в том, что если их пасёт сам губернатор, тоже не было. В прошлом году в такой примерно переделке Альберт едва не погиб и, по чести говоря, второй раз войти в эту же реку ему откровенно не хотелось, о чём он не преминул сообщить Семёну:

– Понимаешь, прежнего губера Овсова я хоть знал, а этот, Параев, мне пока что не вятен. Жучара московский. – В голосе Альберта появились злобные оттенки. – Говорят, у него и в Москве, и в Питере свой бизнес. Сынишка каким-то департаментом в минсельхозе заправляет, и это после военного училища! Да и сам он, губернатор этот, из генпрокуратуры пришёл. Сначала в Совете Федерации какую-то республику представлял, а теперь вот к нам направили –

поднимать дотационный регион. Поэтому ему все эти пожары с массовыми убийствами – кость в горле! До него такое в нашем крае даже не снилось никому. Сечёшь, Шарапов?

– Секу. Но давай всё же решать: если будем тормозить, то пора. А если нет, то поехали в гостиницу собирать монетки – и айда до Грбовщины.

– Давай, тормозим их на берегу озера, вон под окнами администрации! – С этими словами Альберт сбавил скорость и, выстояв полминуты на светофоре, свернул на площадь к зданию бывшего райкома. Здесь на более-менее открытом пространстве он резко остановил свой «Лэнд Ровер» и, устало выдохнув «Ну, вот, блин, и начинается!», выскочил на асфальт. Проворно подбежав к притормозившему поодаль «Рено», Альберт поманил водителя к себе, в то время как Семён предусмотрительно остановился в нескольких метрах сзади. Но водитель остался невозмутимо сидеть, только опустил стекло и вопросительно мотнул головой – дескать, чего, сударь, изволите? Тогда Альберт, демонстративно задержав взгляд на двухэтажке, глухо проговорил сверлившему его взглядом водителю:

– Не знаю, кто из вас принимает решение, но слушайте оба. Давайте зайдём в мэрию побазарить о нашей, судя по всему, общей проблеме. Там есть свободный кабинет, стол, четыре стула...

– Базарить иди на базар! – Резко бросил в сторону Альберта с пассажирского места старательно прилизанный молодой человек, на вид почти юноша. Наступило молчание. Тогда Альберт повернулся к Семёну и тот, с ходу всё поняв, быстро обошёл автомобиль с другой стороны.

– Не хотите по-хорошему, можно и по-плохому, – жёстко сказал он, поигрывая желваками. – Я, старший опер областного УГРО, – он коротко показал прилизанному своё служебное удостоверение, – прибыл сюда расследовать серию убийств и соответственно нахожусь в служебной командировке, то есть при исполнении, а вы сели мне на хвост и мешаете. Сейчас я вызову наряд, и вы будете «базарить» не в администрации, как вам в ваших же интересах только что предлагали, а в кутузке. Я ведь мог сделать это и без предупреждения...

– С кутузкой у тебя всё равно ничего бы не вышло, капитан. – С этими словами «юноша» показал Семёну характерное удостоверение сотрудника ФСБ и устало добавил:

– И вообще, Семён Борисович, вы нам без надобности. Приехали расследовать – расследуйте, но лучше самостоятельно, вот без него и его машины. – ФСБэшник ткнул тонким розовым пальцем в сторону журналиста. – Здесь неподалёку ракетная точка, а он вечно суёт свой нос, куда не надо. Таким образом, товарищ капитан, мы тоже, как и вы, при исполнении. Так что, не смею больше задерживать. В это время уже успевший оценить ситуацию Альберт незаметно кивнул Семёну и неприязненно процедил прилизанному:

– Ты своим лейтенантским удостоверением, сынок, лучше подотри свою задницу! Сейчас тебе позвонят твои начальники и всё объяснят, в том числе и про мой длинный нос. – С трудом сдерживая себя, Альберт отошёл от «Логана» и стал набирать полковника Братова. Тот понял его с полуслова (связь, слава Богу, на сей раз работала), и уже через пять минут молодой ФСБэшник, аккуратно придерживая телефон, испуганно закивал, повторяя, судя по движениям губ, «Есть!» и «Так точно!». Не став дожидаться ни его объяснений, ни даже возможных извинений (скорее всего, начальник отдела по борьбе с терроризмом приказал сделать и это!), Альберт легко запрыгнул к себе в машину и, кивнув последовавшему за ним Семёну, вставил пластмассовый ключ и нажал кнопку стартера.

– Слушай анекдот, капитан! Он хоть и с бородой, но к месту. – Медленно подруливая к гостинице, предложил напарнику Альберт. – Реквизировали Василь Иванович с Петькой в буржуйском питейном заведении два ящика водки и едут себе в дивизию, разумеется, в прекрасном настроении: то-то счастье привалило. Два ящика водки на двоих! Вдруг навстречу Анка. Пришлось сажать и её в тачанку. Настроение уже не то. Водку-то теперь на троих делить придётся! Дальше – ещё хуже. Фурманов впереди нарисовался. Этого так просто не объедешь, комиссаром к Чапаеву приставлен. Делать нечего, посадили и его. Ну, настроение совсем упало

ниже пинтуса. Шутка ли, всего на два ящика водки уже двое на хвост сели. Вдруг, откуда ни возьмись, появились белые и пустились за тачанкой вдогонку. Ну, Петька сразу, конечно, к пулемёту, а в нём затвора не хватает. А белые уже настигают. Тут Фурманов рванул рубаху на груди и говорит: «Езжайте, товарищи, я их задержу!» и бросился с тачанки на дорогу, а когда его рубили шашками, успел крикнуть: «Вот так погибают коммунисты!». А белые опять настигают. Тогда Анка прыгает на дорогу, белые рубят и её, но она успевает крикнуть на прощание: «Вот так погибают комсомольцы!». Ну, тут Петька сразу приободрился, шаст к пулемёту, вставил в него недостающий затвор, нажал на гашетки и давай белых поливать. «А вот так, – кричит, – хвосты рубятся!».

Глава семнадцатая. Тернистая дорога на Северо – Восток

Собирались не более получаса, а потом, пообещав на вахте вернуться к концу недели, выехали из Заиграева по шоссе на Северо-Восток. По-прежнему накрапывал дождь, в связи с чем впереди над остывающим, ещё совсем летним лесом поднимался розоватый туман. На пригорке перед опушкой Альберт без труда разглядел семейку крупных красных мухоморов и выходящих из лесу грибников с полными корзинами. Но заговорил с детства любивший лес журналист совсем о другом:

– Зря я этого лейтенантика щуплого про городскую наружку не спросил, про тот «жигуль», который ко мне за Городом привязался и от которого потом к Витьке в психбольницу пришлось прятаться. Интересно, их это люди или нам с тобой здесь ещё кого-то ожидать? Если всё же последнее, то расслабляться нельзя, ибо, как сказал наш президент, медведь просто так тайгу не отдаст.

– Не совсем точно. – Стал поправлять журналиста полицейский. – Он, Альберт, сказал более определённо: «Медведь свою тайгу никому не отдаст!». Только я не считаю каких-то там браконьеров, которые незаконно реализуют лес, хозяевами тайги. Почему? А хотя бы потому, что они всех боятся, со всех сторон видят для своего преступного ремесла угрозу. По-моему, гораздо опасней, если за тобой следили губернаторские парни. Вот в их числе могут быть настоящие профессионалы, и скорее всего, не местные, а приезжие, из той же Москвы или Питера. Кстати, я так и не понял КГБэшников: одни за тобой следят, а другие их за это отчитывают... Они что, тоже не могут водку поделить, как Чапаев с Фурмановым?

– Ну, вроде того. – Подтвердил догадку капитана журналист. – Мой приятель полковник Братов и начальник Управления ФСБ генерал-майор Берзин – старые советские волки, работавшие ещё под Крючковым. У них один взгляд на вещи, они всегда считали Америку и Запад нашими главными стратегическими противниками и не терпели ни Ельцина, ни его выскочек типа Куликова и Грачёва. Последнего их сторонники в Москве хотели отдать под суд за чеченские преступления, но он скоропостижно помер. Может, и помогли ему в этом? А недавно у нашего Берзина появился новый первый заместитель, молодой полковник из Питера. Говорят, претендент на его, Берзинское, место. И, понятное дело, что он начал свою игру, под прикрытием сверху, разумеется. Ну, и набирает себе единомышленников, в основном из молодых офицеров, жаждущих сделать, как и он сам, быструю безболезненную карьеру. Вишь, как он со мной – «Базарить иди на базар!», хотя наверняка знает, что я – спецназовец, имею боевые награды, но для него всё это пустой звук, побрякушки. Он ни пороха, ни тем более крови не нюхал и верит лишь в карьерный рост да в презренный металл. Такие ухоженные мальчишки, как он, в бизнес не идут, потому что рисковать боятся, а в стабильные госконторы типа прокуратуры и ФСБ, наоборот, приносят своё нарушающее всякую законность рыночное мировоззрение. Ну, нельзя с таким складом идти в силовые структуры! И ведь, что досадно, берут гадов и на эту работу, в военные тайны посвящают, выдают оружие, доверяют агентуру. А потом вдруг оказывается, что министр обороны Сердюков – всего лишь «талантливый менеджер», которого окружают не менее талантливые поэтессы, художницы. Ну, прямо не военное ведомство ядерной державы, а «поэтессы пушкинского круга», блин! Все верят в силу Рынка, но пребывают в роскоши исключительно на бюджетные деньги. – Между тем, Альберт уже свернул с асфальта на военную бетонку, которую лет сорок назад, если не больше, в этих местах проложили ракетчики.

– Слышь, Алик, притормози малость, – попросил Семён, – Я отлить в гостинице не успел. Уже полчаса, как терплю. Альберт убрал газ, и внедорожник, как бильярдный шар в лузу, зака-

тился в обросшую мелким сосняком «лысину» на краю дороги. Лысина при ближайшем рассмотрении оказалась огромной нестандартной плитой (и где только такую удалось достать!) со следами многолетних костров. Альберт тоже вышел из машины и сказал с пониманием дела:

– Здесь наверняка солдатня на учениях греется, в зимнее время. Под бронёй колотун, на броне ещё и ветер студёный, – вот они, молодцы, и придумали. Костры вон из вершинника палят, которым окрест браконьеры весь лес загадили, а с боков сосенки их от ветров закрывают. Я как вспомню эти армейские зимы, так у меня сразу и ноги, которые я тогда сильно проморозил, немеют, и из носа, как у дворового пацана, начинает течь.

– Солдат, конечно, нынче смышлёный пошёл! – Охотно согласился Семён. – Но, знаешь, у меня этот твой «жигулёнок» из башки никак не выходит. Впрочем, этот лейтенант нам мог и не ответить или наврать. Как проверишь? Здесь наверняка они используют совсем другие машины, а лиц их ты наверняка не видел...

– Нет. Во-первых, далековато было, а во-вторых, – стёкла у них на авто – затемнённые, – отвечал Альберт, отъезжая от выемки. В это время где-то совсем рядом, в чаще, треснул характерный ружейный дуллет. Семён выглянул в раскрытое окно и стал пристально всматриваться в ближайший поворот. Поворот был крутым, градусов под шестьдесят, а потому Альберт снизил скорость до минимума, чтобы в случае чего дать заднего хода. За поворотом, в такой же примерно выемке, какую они только что миновали, стояла кофейная «Нива – Шевроле». Сидящих в ней видно не было.

– Вроде, пустая? – Поделился своим первичным наблюдением капитан.

– Либо ушли в лес, либо лежат на сиденьях, – ответил журналист. – Третьего не дано. Давай так, Семё. Ты валяй за руль и пистолет из кобуры достань да патрон загни в ствол, а то не успеешь, если что...

– Уже достал и взвёл. – Зло отвечал полицейский. – Ты, смотрю, меня за чудака на букву «м» держишь! А я, между прочим, уже троих особо опасных арестовал... со стрельбой.

– Прости, дружище, просто у меня оружия нет, вот я и нервничаю, – извинился и стал осторожно спускаться на грунт Альберт. – В спецназе всё время либо «АК», либо «Стечкина», а то и «Кедр» при мне, а тут лишь охотничий ножик на заднице. Хоть бы травматiku этот ваш майор из разрешительного отдела дозволил. Нет, говорит, хватит с тебя и газового. Всё, иду, секи внимательней. Не нравится мне этот «Шевроле»! Ещё не дойдя до машины нескольких метров, Альберт почувствовал в ней какое-то слабое шевеление, словно дуновение лёгкого ветерка. С одной стороны, Альберт понимал, что за ним, возможно, наблюдают через зеркало заднего вида, но с другой – сомневался в этом, поскольку из положения лёжа в такое зеркало на дороге, скорее всего, ничего не видно. Тем не менее, ему предстояло совершить последний решающий пасс. И он, поначалу осторожно пригнувшись к вязкой глинистой дороге, затем всем телом лёг на неё и, извиваясь словно змея, пополз к машине, сознавая, что здесь, возле задних колёс, – мёртвая зона, и теперь из салона «Шевроле» его уж точно не видно. Заглянуть внутрь автомобиля через боковое заднее окно было делом полсекунды. Намётанным взглядом Альберт тут же определил, что в машине находится всего один человек, который полулежит на сиденье водителя и делает тщетные усилия сесть, что ему никак не удаётся. Резко подавшись вперёд, Альберт распахнул правую переднюю дверь и глянул в лицо откинувшегося на пассажирское сиденье мужчины. Оно было белым, как мел, с пузырящейся дорожкой крови на подбородке. Широко открытые глаза с ужасом смотрели на журналиста. Подав раненому успокоительный знак, Альберт стал осторожно приподнимать его сразу отяжелевшее тело и затем выносить из залитой кровью кабины. Укладывать мужчину на густой придорожный брусничник ему уже помогал подоспевший Семён. Мужчина был в камуфляже с зачехлённым топориком у пояса. Он по-рыбы шевелил губами, видимо, пытаясь что-то сказать. Наконец, склонившийся к самому лицу закамуфлированного капитан услышал булькающие звуки:

– Оне убёгли... в лес. Стреляли в кого-то... потом. Идите тады, а я – всёк!.. В кар... кар – мане грудном... всё... амба! – И мужчина закатил глаза.

– Обморок! – Констатировал Альберт, тут же пальпировавший лежащему сонную артерию. – Пульс есть, но вялый. Давай, Семё, расстёгивай ему куртйя. Судя по пузырям изо рта, лёгкое у него задето, только вот интересно с какой стороны?

– С правой, слава Богу, – прошептал сосредоточенный Семён, уже успевший разрезать на раненом футболку до самого горла. – Но проникновение двойное. Лезвие узкое, похоже на заточку, но, может быть, и надфиль. А вообще, зэковский почерк!

– То, что с правой, вселяет надежду, хотя, например, у моего друга, юмориста Юры Семёнова с правой стороны – сердце, но он неповторимое явление для всей области. Но реально сейчас опасней другое – большая кровопотеря! Если бы рука или нога, тогда бы жгут – и все дела, а тут... Звони в Заиграево, лучше Веткину. Он неотложку там быстрее организует. Держи вот мой спутниковый, – Альберт сунул Семёну свой чемоданчик. – Так быстрее выйдет. После этого он достал из грудного кармана расстёгнутой на раненом куртки липкий от крови сотовый и зелёное удостоверение, разлепив которое, они с Семёном узнали, что на брусничнике – егерь Шароватов Юрий Васильевич, пятидесяти пяти лет от роду.

– «Скорую» вызвал? – Нервно спросил Альберт.

– Веткин сказал, что сам выезжает. У него жена в аккурат районную неотложку возглавляет. И, слава Богу, дома после дежурства отдыхает... отдыхала, то есть. Скоро будут здесь. Но боюсь, не дотянет, – участливо посмотрел на егеря Проектор. И Альберту вдруг подумалось: «Вот, если бы все менты такими были! Как бы легко и просто жилось в нашем Отечестве! И не надо никаких экстренных совещаний при президенте, никаких специальных экспериментов на далёких окрайках России, ни особых зон, да и эта конъюнктурная фраза – „Находится на личном контроле“ отмерла бы сама по себе. Да и милицию не было бы никакой нужды переименовывать в полицию».

– Семён, достань из аптечки нашатырь! – По праву старшинства распорядился Альберт. – Давай его очухивай, а иначе, точно, не дотянет! И они спешно задвигались. Семён уже рвал из аптечки вату, а Альберт пытался не дать Шараватову захлебнуться собственной кровью. В это время в лесу ещё дважды выстрелили.

– Ни хрена, прорвёмся! – Осторожно сжимая виски раненому, зло проговорил Альберт. – Кто это там сказал, Семён? По-моему, Джек Лондон. «Что бы там ни случилось, держите всегда на Запад!». А мы, блин, русские. И держим всегда на Восток.

– Привет, мужики! – Здравовался, примерно, через час возбуждённый майор Веткин. – Под сто двадцать гнал, дважды чуть в сосняк ни влепился! А в это время жена Веткина уже начала хлопотать над истекающим кровью егерем. Появилась капельница и капроновый контейнер с кровью (наколку группы и резуса Семён успел заметить возле левой егерской подмышки и сообщить Веткину). Это, как потом оказалось, и спасло Шароватова от неминуемой смерти. Скоро появились носилки, и наколотого врачом Веткиной Шароватова загрузили в машину.

– Даша, – бережно потянул за рукав жену Веткин. – В запарке забыл тебе представить коллег. – Это, – кивнул он в сторону Проектора, – Семён Борисович, капитан из областного уголовного розыска. А это... – повернувшись в сторону Альберта, Веткин неожиданно замешкался.

– А это Альберт Эдуардович Нидерквель, – поспешил прервать неловкую паузу Семён. – Он самый лучший городской журналист из «Курьера». Кстати, тоже капитан, только фронтового спецназа! Майор удовлетворённо крякнул, а его жена с чувством пожала журналисту руку и сказала с явным одобрением:

– А я смотрю, повязка на раненом как надо наложена, а этому учиться – не переучиться!

– В Горах учились гораздо быстрее, чем здесь, на равнине. – Как будто даже виновато глянув на Веткину, сказал Альберт.

– Всё, время! Поехали! – Рубанул воздух рукой Веткин и проворно полез в кабину запускать двигатель «Форда» и разворачиваться на узкой дороге.

Глава восемнадцатая. Стрельба на поражение

В лес, в сторону только что истаявшего эха выстрела, рванули сразу оба, не сговариваясь. Спешить было удобно, несмотря на тут и там подвёртывающиеся под ноги сучья, мох, приятно пружиня под ступнёй, более всего сейчас напоминал Альберту ретартановую дорожку, по которой он отбегал в прошлом не менее двадцати лет. Но ретартан был ядовито-красным, а тут, куда ни кинь, зелень да кое-где проклёвывающаяся желтизна. Пуля сбила над Альбертовой головой ветку, когда он невольно согнулся к гигантскому белому грибу с причудливо раздвоенной коричневой шляпкой. «Если б не гриб, то в аккурат бы вышло под левый сосок», – успел подумать он и боком упал за ближайшую сосну, откуда тут же вперился взглядом в приземистый подлесок. Сначала ничего характерного он не заметил, но через секунду – другую понял, что стрелок затаился за стайкой берёз, а точнее – в папоротнике, который зеленел под ними. Если бы он был при «Макарове», то наверняка бы сейчас решил проблему стрелка даже не полной обоймой. Он глянул в сторону Семёна, который залёг всего в двух саженях, и подал ему выразительный знак – дескать, перекинь пистолет. Капитан, не долго думая, так и сделал. Пистолет щёлкнул ручкой о пенёк всего в полуметре от журналиста. Альберт примерил оружие к руке и, сняв его с предохранителя, стал старательно целиться. Видимо, стрелок сильно нервничал, потому что справа от берёз папоротники заметно покачивались и даже дёргались. Журналист напряг зрение и скоро понял, что это обычная уловка: стрелявший, на самом деле, лежал за берёзами, а старался создать впечатление, что он – левее. «Для чего? – Подумал Альберт. – Видимо, предполагает, что мы вооружены либо хочет проверить, а так ли это». Думая так, Альберт вместе с тем решил, что ...пора. Пару секунд он ещё пролежал за пнём, но спустив курок, сделал два кувырка вправо и повторно стрелял по уже вполне видимой цели, которая больше не шевелилась. Наставив пистолет на неподвижное тело, журналист двинулся вперёд. Лежавший ничком парень был в синей адидасовской куртке и вельветовых джинсах. Рядом с ним на кожаной барсетке валялся обрез охотничьего ружья двенадцатого калибра. Пуля попала стрелку точно в лоб.

– Семёна, я в барсетку гляну, а ты по карманам пошарь, – обратился к другу Альберт. Через пару минут стало ясно, что убитого звали Александром Крутовым, что ему тридцать лет и прописан он в Городе, в доме номер 132 по Советской улице. В барсетке вместе с тремя тысячами долларов лежала также трудовая книжка, из последней записи в которой следовало, что он работал охранником в ювелирном магазине. Семён, в свою очередь, нашёл в нагрудном кармане куртки характерное красное удостоверение, выданное на имя Александра Андреевича Крутова, которое утверждало, что владелец сего является старшим инспектором дорожно-патрульной службы ГИБДД.

– Так, всё же, кто он – охранник или гаишник? – Спросил Альберт.

– Гаишником он был, год или, точнее, пару лет назад. – Изучая удостоверение, ответил Семён. – Оно не продлено, как положено. Опять же обрез... У патрульного всегда пистолет при себе, тем более, на дороге. Нет, этот явно из твоих (или моих?) наблюдателей. Видимо, наёмник, а вот чей? Слушай, а если при нём обрез, то тогда на кой ляд он егеря ножом тыкал?

– А ты уверен, что это он? – В свою очередь, спросил капитана журналист.

– А тогда кто? – Стал настороженно всматриваться в березняк Семён.

– Вот и я о том же. Кто? Если Крутов этот и иже с ним наблюдали за нами, то чем им помешал егерь? Просто, оказался не там и не в то время? Не похоже... Лес большой и нас можно было прикончить и не здесь, а где-нибудь под Грбовщиной – словом, в местах, где почти не ступала нога человека. Вон, у Крутова был обрез, а вот и патроны с жаканом – самое то для нас с тобой. И если учесть, что в тех краях у каждого мужика по два ружья, а не нарезное

оружие хрен идентифицируешь, то... убивать нас лучше там. Никогда не найдёшь. Верный глухарь!

– А, может, егеря из их компахи? – Спросил, как будто самого себя, полицейский. – Может, не поделили чего или крайним стал? А тут мы при их разборке... Такое, Алик, нередко случается.

– Да, и я о том же. Егерям нынче платят копейки. Они у нас, так сказать, на самооплаемости работают. – Стал рассуждать журналист. – Я ещё двадцать лет назад писал, будучи сопливым практикантом в каком-то там «Комсомольце» – то ли Новгородском, то ли Вологодском, то ли Ленинском... Гайдар и его команда вернулись в Россию ровно для того, чтобы все в стране ощутили себя неуверенно. Когда в обществе царит неуют, то им, во-первых, легче управлять, а во-вторых, воровать до поры можно совершенно безнаказанно. И мне порой кажется, что кое-кто живёт ещё в той, гайдаровской поре. Вот и егеря этот, полагаю я, на зарплату не жаловался, а, так сказать, подрабатывал. А на чём егерю подрабатывать?

– Уж, кому – кому, а егерю это запросто можно! – Воскликнул Семён. – Я одно дело раскручивал в прошлом году, по районному охотхозяйству. Там тоже егеря убили, братья Самолчевы, Тихон и Игнат, староверы.

– Да, им, вроде, убивать нельзя, раз староверы? – Не поверил Альберт.

– Да, понимаешь, егеря этот, Шахрутдинов, их сестру изнасиловал. Ну, замуж её звал, деньгами левыми хвастал, машиной, снегоходом, квартирой, которую в Городе купил, а она ни в какую. Вот он и решил это дело закончить радикальным методом. Тихон про это узнал, а Игнат как раз жениться собирался на её подруге, тоже староверке. У них друзья или подруги – что родные братья-сёстры. Взяли они тогда топоры и зарубили егеря прямо на его этой квартире, среди ковров и дорогой мебели. Брюхо ему распорили и туда этих денег насыпали тысяч восемьсот, помнится. А потом из его ружья и сами застрелились... – Семён от нахлынувших воспоминаний даже задышал иначе.

– Сёма, ты мне потом напомни, а? Я об этом обязательно напишу. А сейчас... сейчас, пока мы про постороннее базланим, нас могут, как и этих, блин, егерей, запросто мочкануть. – Сказав это, Альберт стремглав перевалился за болотную кочку, каким-то невероятным образом успев при этом оттолкнуть от себя Семёна, и выстрелил дважды в сторону березняка. Весь в поту Семён лежал в малиннике и не шевелился. В наступившей тишине сначала раздалась ругань, а потом проклятия и стоны. Журналист зазывно кивнул капитану и пополз в сторону постепенно стихающих звуков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.